ЗИГМУНТ
КРАСИНСКИЙ

НЕБОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

БПЛ БИБЛИОТЕКА ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

INSTYTUT KSIĄŻKI
©POLAND

З. КРАСИНСКІЙ

НЕБОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ

ПЕРЕВОДЪ

А. КУРСИНСКАГО

ПОРТ

КИПРІАНА НОРВИДА

ОБЛОЖКА РАБОТЫ

Н. ѲЕОФИЛАКТОВА

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«СКОРПІОНЪ»

МОСКВА 1906

НЕБОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ

I

Звѣзды надъ головой твоею, волны моря подъ ступнями твоими, радуга разсѣкаетъ и гонитъ мглу предъ тобою... Все, что ты видишь, твое: и берега, и города, и люди принадлежатъ тебѣ; самое небо—твое, и, мнится, ничто не равняется въ славѣ съ тобою.

Твоя пѣснь ласкаетъ слухъ несказанной усладой, ты сплетаешь сердца и расплетаешь ихъ снова, подобно вѣнку—игрушкѣ рукъ твоихъ; ты выжимаешь слезы, сушишь ихъ улыбкой, и улыбку снова стираешь съ устъ на мгновенье, на нѣсколько мгновеній, иногда на вѣки. Но самъ ты что чувствуешь, что творишь, что мыслишь? Сквозь тебя струится потокъ красоты, но самъ ты не есть Красота. Горе тебѣ, горе! Ребенокъ, который плачетъ на груди няньки, полевой цвѣтокъ, не знающій своего аромата, болѣе угоденъ передъ Господомъ, нежели ты.

* * *

Откуда-жъ явился ты, суетный призракъ, который несешь откровеніе свѣта, а свѣта не

знаешь, не видѣлъ, и ввѣкъ не увидишь? Кто тебя создалъ въ часъ гнѣва иль дикой забавы? Кто далъ тебѣ жизнь ничтожную, и однако столь соблазнительную, что ты сумѣешь блеснуть ангеломъ на мгновеніе, прежде чѣмъ погрязнешь въ болотѣ, станешь пресмыкаться, подобно гаду, или задохнешься въ тинѣ?— Тебѣ и женщинѣ—одно начало.

***

Страданье—удѣлъ твой. И ты страдаешь, хотя страданіе твое ничего не создастъ, ничему не послужитъ. Стонъ ничтожнѣйшаго бѣдняка не пропадаетъ въ аккордѣ небесныхъ арфъ, а стоны твоего отчаянія упадаютъ книзу. Діаволъ собираетъ ихъ, ликуя присоединяетъ къ своимъ клеветамъ и соблазнамъ, и настанетъ день, въ который Богъ отвергнетъ ихъ, какъ они отвергли Бога.

***

Но не тебя корю я, Поэзія, мать Красоты и Спасенія. Несчастенъ лишь тотъ, кто въ зарождающемся или замирающемъ мірѣ обреченъ вспоминать или предчувствовать тебя: потому что ты губишь лишь тѣхъ, кто отдались всецѣло тебѣ, стали живыми голосами твоей славы.

***

Блаженъ, въ комъ живешь ты, какъ Богъ живетъ въ мірѣ, невидимый и неслышимый,

но чувствуемый въ движеніи малѣшаго атома,—великій Богъ, предъ Которымъ преклоняются твари и вторятъ: „Онъ съ нами!“— Онъ будетъ нести тебя, какъ звѣзду на челѣ своемъ и не отдѣлится отъ Красоты твоей бездною слова. Онъ будетъ любить людей и будетъ мужъ среди своихъ братьевъ.—А кто не останется вѣренъ тебѣ до конца, кто тебѣ рано измѣнитъ и отдастъ на ненужную потѣху людей,—на голову тому ты бросишь нѣсколько цвѣтковъ и отвернешься прочь. Онъ тѣшится завядшими цвѣтами и всю жизнь сплетаетъ изъ нихъ гробовой свой вѣнокъ. Ему и женщинѣ—одно начало.

Ангелъ-хранитель. Миръ людямъ, чья мысль устремлена къ добру,—благословенъ сроди тварей имѣющій сердце,—для него еще возможно спасеніе! Жена благочестивая и скромная да встрѣтится на пути его, и дитя да родится въ ихъ домѣ! Пролетаетъ.

Хоръ злыхъ духовъ. Въ дорогу, въ дорогу, адскіе призраки; летите, спѣшите къ нему! И ты впереди всѣхъ, ты во главѣ всѣхъ, тѣнь погибшей любовницы! Ты, освѣженная въ сырости, цвѣтами украшенная, дѣва—любовь поэта, впередъ, впередъ!

Въ дорогу и ты, призракъ-слава, чучело стараго орла, набитое въ аду! Срывайся съ кола, на который повѣсилъ тебя осенью охотникъ! Лети, распрости свои крылья, огромныя, блестящія на солнцѣ, — надъ головою поэта!

Выползай и ты изъ пыльнагоадскагосклепа, истлѣвшее изображеніе Эдема, творенье Вельзевула! Дыры залѣпимъ, лакомъ покроемъ, а тамъ—свивайся чародѣйское полотно легкою тучей, лети къ поэту, развернись вокругъ него поясомъ скалъ и заливовъ, переливайся лучами солнца, тѣнями ночи.-- Природа! ты зачаруешь поэта!

*

Деревня. Церковь. Надъ церковью медлятъ въ полетѣ АНГЕЛЪ-ХРАНИТЕЛЬ.

Сдержи свою клятву—и ты будешь братомъ моимъ въ образѣ Отца небеснаго! Исчезаетъ.

*

Внутренность церкви. Свѣчи въ алтарѣ. СВЯЩЕННИКЪ совершаетъ вѣнчальный обрядъ. Свидѣтели.

Помните клятвы ваши!

Брачующаяся чета отходитъ. МУЖЪ, пожавъ руку жены, передаетъ ее родственнику; всѣ выходятъ; онъ остается въ церкви.

Я снизошелъ до земного брака, потому что встрѣтилъ ту, о которой мечталъ. Проклятіе на мою голову, если когда-либо перестану любить ее!

*

Залъ, полный гостей. Балъ. Музыка, огни, цвѣты. НОВОБРАЧНАЯ танцуетъ и послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса отходитъ въ сторону, встрѣчаетъ въ толпѣ МУЖА и склоняетъ голову ему на плечо.

Новобрачный. Какъ ты прекрасна въ своемъ изнеможеніи, въ безпорядкѣ цвѣты и жемчугъ въ волосахъ твоихъ. Вся ты млѣешь отъ стыда и утомленія... О, вѣчно, вѣчно тебѣ будетъ звучать пѣснь моя!

Новобрачная. Я буду твоей вѣрной женою, какъ наставляла меня мать и какъ мнѣ подсказываетъ сердце. Но сколько же здѣсь народу, какъ жарко, какъ шумно!

Новобрачный. Поди, протанцуй еще одинъ туръ, а я останусь здѣсь и буду смотрѣть на тебя, какъ часто въ мысляхъ моихъ смотрѣлъ я на парящихъ ангеловъ.

Новобрачная. Иду, если ты хочешь,—но у меня почти нѣтъ уже силъ.

Новобрачный. Пойди для меня, любовь моя!

Танцы и музыка.

*

Хмурая ночь. Злой духъ пролетаетъ въ дѣвичьемъ образѣ.

Давно ли шаталась я по землѣ въ такую вотъ пору! Теперь черти гоняютъ меня и велятъ прикидываться святою.

Пролетаетъ надъ садомъ.

Цвѣты, оторвитесь отъ стеблей и летите въ мои волосы!

Пролетаетъ надъ кладбищемъ.

Свѣжесть и красота умершихъ дѣвицъ, въ испареніяхъ разливающаяся по воздуху, парящая надъ могилами,—летите освѣжить ланиты мои!—Здѣсь разлагается трупъ черноокой брюнетки,—пусть густая тѣнь ея прядей повиснетъ на вискахъ моихъ! Подъ этимъ камнемъ угасла пара голубыхъ глазъ,—ко мнѣ, ко мнѣ, огонь, который искрился въ нихъ! За

этой рѣшеткой теплится сотня свѣчей: здѣсь сегодня схоронили княжну. Атласное платье бѣлѣй молока, оторвись отъ нея! Вотъ оно, цѣпляясь за рѣшетку, уже летитъ ко мнѣ, трепеща, какъ огромная птица... Впередъ, впередъ!

*

Спальная. Ночная лампа на столикѣ бросаетъ блѣдный свѣтъ на МУЖА, спящаго около ЖЕНЫ.

Мужъ во снѣ. Откуда же являешься ты, которую такъ давно я не видѣлъ, не слышалъ? Какъ плавно теченіе водъ, плавна поступь твоя, — словно двѣ бѣлыхъ волны. Благоговѣйный покой на челѣ твоемъ. Все, что любилъ я, о чемъ мечталъ я, — все соединилось въ тебѣ. Пробуждается.

Гдѣ я? А!—близъ жены моей. Это — жена моя. Вглядывается въ жену.

Я думалъ, ты—воплощеніе мечты моей. Но вотъ, послѣ долгаго перерыва она возвращается ко мнѣ и — она не одно съ тобою. Ты добра, ты мила, но та... О, Боже! что вижу! Она на яву...

Дѣва. Ты измѣнилъ мнѣ. Исчезаетъ.

Мужъ. Да будетъ проклята минута, когда я взялъ жену себѣ и забылъ любовь юныхъ лѣтъ, грезу грезъ моихъ, душу души моей.

Жена пробуждаясь. Что это значитъ?—ужъ разсвѣло? — за нами пріѣхала коляска? Ахъ

намъ сегодня предстоитъ столько хлопотъ и разъѣздовъ.

Мужъ. Нѣтъ, нѣтъ! глухая ночь. Спи! спи крѣпче!

Жена. Или ты чувствуешь себя плохо? Я встану, чтобы дать тебѣ лекарство...

Мужъ. Усни!

Жена. Скажи мнѣ, что съ тобою. Твой голосъ измѣнился и щеки горятъ, какъ въ огнѣ.

Мужъ, срываясь съ постели. На воздухъ, я долженъ выйти на воздухъ!.. Нѣтъ, нѣтъ,— останься, не слѣдуй за мной,—не вставай, еще разъ говорю тебѣ. Выходитъ.

*

Садъ, освѣщенный луною. Вдали церковь.

Мужъ. Со дня свадьбы я спалъ сномъ одеревенѣнія, сномъ обжоръ, сномъ фабрикантанѣмца близъ жены-нѣмки. Цѣлый міръ словно заснулъ вокругъ меня, какъ и я. Я разъѣзжалъ по родственникамъ, по докторамъ, по магазинамъ, и, предвидя рожденіе ребенка, выбиралъ кормилицу.

Два удара на церковной башнѣ.

Ко мнѣ же, мои прежнія сферы, полныя образовъ, полныя жизни, будящія мысль мою, внимающія пѣснямъ моего вдохновенія,—нѣкогда отзвукъ ночного звона былъ символомъ вашимъ. Идетъ, заламывая руки.

Боже! ужели это Ты освятилъ связь двухъ тѣлъ и сказалъ, что никакая сила не разор-

ветъ ея, даже тогда, когда души оттолкнутся одна отъ другой и пойдутъ различными путями, и тѣла, какъ два трупа, останутся другъ возлѣ друга?!

Ты снова со мною—моя—моя! Возьми же меня съ собою!—А если ты лишь видѣніе, лишь мечта моя, если ты создалась изъ меня и теперь вотъ являешься мнѣ,—то пусть же и я буду призракомъ, стану дымчатой тѣнью, лишь бы не разлучаться съ тобою.

Дѣва. А ты пойдешь за мною, если когда-нибудь я прилечу за тобой?

Мужъ. Во всякую минуту я уже твой.

Дѣва. Такъ помни! Исчезаетъ.

Мужъ. О, останься! Зачѣмъ таешь, какъ сновидѣніе? Если ты—высшая красота и чистѣйшая греза, почему ты не хочешь помедлить дольше, чѣмъ возникаетъ желаніе, чѣмъ зарождается мысль? Открывается окно въ домѣ.

Женскій голосъ. Дорогой мой! Холодъ ночи можетъ упасть на грудь твою; вернись, ненаглядный мой, мнѣ такъ грустно одной въ этой большой, темной комнатѣ.

Мужъ. Хорошо. Сейчасъ!

Призракъ исчезъ, но онъ обѣщалъ вернуться. А тогда—прости, мой садикъ, прости, мой домикъ, и ты, которая создана для садика и для домика, но не для меня!

Женскій голосъ. Помилуй, ночь все холоднѣе подъ утро.

Мужъ. А дитя мое?—о, Боже! Уходитъ.

*

Гостиная. Двѣ свѣчи на фортоніано. Въ углу колясочка со спящимъ ребенкомъ. МУЖЪ полулежитъ въ креслѣ, закрывъ лицо руками, ЖЕНА у фортепіано.

ЖЕНА. Заходила къ отцу Веніамину. Назначилъ на послѣ-завтра.

МУЖЪ. Прекрасно.

ЖЕНА. Посылала къ кондитеру сказать, чтобы заготовилъ нѣсколько тортовъ—не мало гостей приглашено присутствовать при обрядѣ, — знаешь, такіе шоколадные торты... съ инициалами Георгія-Станислава.

МУЖЪ. Прекрасно.

ЖЕНА. Слава Богу! Наконецъ-то состоится этотъ обрядъ, и нашъ Орціо станетъ вполнѣ христіаниномъ. Потому что, хоть онъ и крещенъ уже водою, а все мнѣ казалось, что ему не достаетъ чего-то * идетъ къ колыбели. Спи, дитятко мое, спи, ненаглядное! Или тебѣ уже снится что-либо, что ты отбросилъ отъ себя одѣяльце? Вотъ такъ, лежи такъ... Сегодня ты у меня такъ неспокоенъ, крошка моя. Спи, моя прелесть!

МУЖЪ въ сторону. Душно. Паритъ: собирается буря. Скоро вдали грянетъ громъ, а здѣсь сердце мое разорвется.

* Рѣчь идетъ о таинствѣ мѵропомазанія, которое у католиковъ можетъ быть отдѣлено отъ таинства крещенія.

Прим. пер.

Жена возвращается къ фортепіано; начинаетъ играть, бросаетъ, снова начинаетъ и бросаетъ снова. Сегодня, вчера,—Боже!—всю недѣлю, и даже ужъ нѣсколько недѣль, цѣлый мѣсяцъ — ты не сказалъ мнѣ ни слова; — всѣ, кто видятъ меня, увѣряютъ, что у меня скверный видъ.

Мужъ въ сторону. Часъ насталъ, и его ничто не отсрочитъ. Вслухъ. Мнѣ кажется, ты выглядишь прекрасно...

Жена. Тебѣ безразлично. Ты уже и не смотришь на меня; ты отворачиваешься, когда я вхожу и закрываешь глаза, если я сижу близко. Вчера была я на исповѣди, припоминала всѣ грѣхи свои—и ничего не нашла, чѣмъ могла бы обидѣть тебя.

Мужъ. Ты никогда не причиняла мнѣ обиды.

Жена. Боже мой! Господи, Боже!

Мужъ. О, я знаю, что долженъ любить тебя.

Жена. Ты добиваешь меня этимъ „долженъ". Лучше встань и скажи прямо „не люблю больше!" По крайней мѣрѣ буду знать все, все. Срывается съ мѣста и беретъ дитя изъ колыбели. Его, его не покидай лишь, а я примирюсь съ твоимъ гнѣвомъ. Люби дитя мое, дитя наше, Генрихъ! Опускается предъ нимъ на колѣни.

Мужъ поднимаясь съ мѣста. Не придавай значенія словамъ. Иногда на меня находитъ дурное настроеніе,—скука!

Жена. Прошу тебя единаго слова, единаго обѣщанія: скажи, что его ты будешь всегда любить.

Мужъ. И его, и тебя,—вѣрь мнѣ.

Цѣлуетъ ее въ лобъ, она обнимаетъ его. Въ это время слышенъ громъ, затѣмъ музыка: аккордъ за аккордомъ слѣдуютъ, странные и дикіе.

Жена. Что это значитъ? Сжимаетъ крѣпче ребенка. Музыка умолкаетъ.

Дѣва входитъ. Возлюбленный мой! Приношу тебѣ благословеніе и радость. Иди за мной!

Возлюбленный мой! Сбрось съ себя земныя оковы, въ которыхъ заплетаются ноги твои! Я прихожу изъ свѣтлаго міра, которому нѣтъ конца и ночи. Я твоя!

Жена. О защити меня, пречистая Дѣва! То блѣдный призракъ мертвеца: очи погасли, скрипъ похоронной колесницы напоминаетъ голосъ его.

Мужъ. Какъ ясно чело твое, что за чудо цвѣты въ волосахъ твоихъ. О, дорогая!

Жена. Саванъ лохмотьями спадаетъ съ плечъ ея.

Мужъ. Тихій свѣтъ разливается вкругъ тебя, — голосъ твой... еще разъ дай услышать, — потомъ пусть погибну!

Дѣва. Она, которая удерживаетъ тебя, она — призракъ. Жизнь ея быстролетна, любовь ея — что листъ, который сохнетъ среди тысячи такихъ же. Я — не преиду.

Жена. Генрихъ, Генрихъ! Закрой меня, загороди собою, не выдавай меня! Я чувствую запахъ сѣры и плѣсень гроба...

Мужъ. Женщина, созданная изъ глины и грязи, — не завидуй, не повторяй хулы. Вотъ —

первая мысль Творца о тебѣ. Но ты вняла наущеніямъ змія и—стала тѣмъ, что ты есть.

Жена. Я не пущу тебя.

Мужъ. Излюбленная моя! Оставляю домъ мой и иду за тобою. Уходитъ.

Жена. Генрихъ, Генрихъ! Падаетъ въ обморокѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Другой ударъ грома.

*

Крестины. ГОСТИ. ОТЕЦЪ ВЕНІАМИНЪ. КРЕСТНЫЙ ОТЕЦЪ. КРЕСТНАЯ МАТЬ. НЯНЬКА съ ребенкомъ. Въ сторонѣ на диванѣ сидитъ ЖЕНА. Въ глубинѣ слуги.

Первый гость тихо. Гмъ, странное дѣло: гдѣ графъ?

Второй. Заболтался гдѣ-нибудь, а не топишетъ.

Первый. Хозяйка блѣдна, разстроена; слова ни къ кому не скажетъ.

Третій. Сегодняшнія крестины напоминаютъ мнѣ что-то тѣ званные вечера, на которыхъ хозяинъ, проигравшись наканунѣ въ карты, принимаетъ гостей съ любезностью отчаянія.

Четвертый. Я оставилъ преинтересную княжну. Явился въ разсчетѣ на торжественный обѣдъ, а вдругъ, какъ въ Писаніи сказано, — плачъ и скрежетъ зубовъ...

От. Веніаминъ. Георгій-Станиславъ, принимаешь-ли св. Помазаніе?

BIBLIOTEKA NARODOWA BN

Отецъ и мать крестные. Принимаю.

Одинъ изъ гостей. Глядите, глядите: встала и идетъ словно во снѣ.

Второй. Вытянула руки впередъ и шатаясь направляется къ сыну.

Третій. Подайте руку: она сейчасъ упадетъ въ обморокъ.

От. Веніаминъ. Георгій-Станиславъ, отрицаешься-ли сатаны и гордости его?

Отецъ и мать крестные. Отрицаюсь.

Одинъ изъ гостей. Т-съ! слушайте...

Жена кладя руку на голову ребенка. Гдѣ отецъ твой, Орціо?

От. Веніаминъ. Прошу не прерывать.

Жена. Благославляю тебя, Орціо, благословляю, дитя мое! Будь поэтомъ,—чтобы отецъ твой любилъ тебя и не отвергъ когда либо.

Мать крестная. Но позволь же, моя Маруся...

Жена. Ты угодишь отцу своему и заставишь полюбить себя. И тогда онъ проститъ твоей матери.

От. Веніаминъ. Бойтесь Бога, графиня!

Жена. Будь проклятъ, если не будешь поэтомъ! Падаетъ. Слуги выносятъ ее.

Голоса гостей. Ужасное что-то стряслось въ этомъ домѣ... Идемте, идемте!

Между тѣмъ обрядъ кончился и плачущее дитя уносятъ въ колыбель.

Отецъ крестный надъ колыбелью. Георгій-Станиславъ! Ты сталъ теперь христіаниномъ,

тѣмъ самымъ уже вошелъ въ общество людей. Со временемъ ты станешь гражданиномъ, а заботами родителей и милосердіемъ Бога—и славнымъ дѣятелемъ на пользу общественную. Помни: родину любить надо, и даже погибнуть за отчизну прекрасно! Всѣ уходятъ.

*

Красивая мѣстность. Холмы и лѣсъ. Вдали горы.

Мужъ. Къ этимъ высотамъ стремился я, объ этомъ молился я долгіе годы, и вотъ я близъ цѣли. Долины, люди, все осталось позади. Пусть тамъ муравьи тѣшатся каждая своей соломинкой, а когда потеряетъ ее, пусть надрывается отъ злости или умираетъ отъ сожалѣнія.

Голосъ дѣвы. Выше, выше!

*

Горы и пропасти надъ моремъ. Тяжелыя тучи. Буря.

Мужъ. Куда исчезла ты? Вдругъ испарились благоуханія утра и день омрачился. Стою на вершинѣ, пропасть подо мною, пронзительно бушуютъ вѣтры.

Голосъ дѣвы. Ко мнѣ, ко мнѣ, возлюбленный мой!

Мужъ. Ты уже такъ далеко, а я не въ силахъ преодолѣть эту пропасть.

Голосъ очень близко. Гдѣ жъ твои крылья?

Мужъ. Духъ зла, зачѣмъ смѣешься надо мною: тебя я презираю.

Другой голосъ. Здѣсь, у отвѣса скалы, вотъ изнемогаетъ твоя безсмертная душа, которая все небо устремлялась перелетѣть однимъ взмахомъ! И бѣдняжка проситъ у ногъ твоихъ, чтобы не шли онѣ дальше. Великая душа! великое сердце!

Мужъ. Покажитесь мнѣ, примите явный образъ, чтобы я могъ согнуть его и свергнуть въ бездну. Если вы устрашите меня, пусть я никогда ея не достигну.

Дѣва на другой сторонѣ пропасти. Схватись за мою руку, лети!

Мужъ. Но что дѣлается съ тобою? Цвѣты отрываются отъ волосъ и падаютъ на землю, и, прикасаясь къ ней, скользятъ, какъ ящеры, ползутъ какъ змѣи?...

Дѣва. Возлюбленный мой!

Мужъ. ...Вотъ вѣтеръ сорвалъ платье съ плечъ твоихъ и разорвалъ его въ клочья...

Дѣва. Зачѣмъ ты медлишь?

Мужъ. ...Дождь каплетъ съ головы твоей, а изъ груди глядятъ нагія ребра...

Дѣва. Ты обѣщалъ, ты клялся!

Мужъ. ...Молнія выжгла зрачки глазъ ея...

Хоръ злыхъ духовъ. Возвращайся въ преисподнюю, старуха! Ты смутила великое и гордое сердце, удивленіе людей и самого себя. Великое сердце, слѣдуй за твоею возлюбленной!

Мужъ. Господь! ужели ты осудилъ меня за

мою вѣру, за вѣру въ то, что Твоя красота неизмѣримо превосходитъ красоту земли? Ужели за то, что я стремился къ ней и страдалъ во имя ея, я долженъ былъ стать игрушкою дьяволовъ?

Злой духъ. Слушайте, братцы, слушайте!

Мужъ. Бьетъ послѣдній часъ. Буря кружитъ черными вихрями, море рвется на скалы и тянется ко мнѣ, невидимая сила увлекаетъ меня все дальше—все ближе... Сзади—толпы людскія давятъ на меня и толкаютъ въ бездну.

Злой духъ. Радуйтесь, братцы, радуйтесь!

Мужъ. Бороться напрасно... Меня влечетъ къ себѣ забвеніе пропасти... Безуміемъ исполнена душа... Боже! твой врагъ побѣждаетъ.

Ангелъ-хранитель надъ моремъ. Миръ вамъ, волны,—успокойтесь! — Въ эту минуту на голову твоего ребенка льется святая вода. Вернись въ домъ твой и не грѣши болѣе. Вернись въ домъ твой и люби дитя твое.

*

Гостиная. Фортепіано. Входитъ МУЖЪ. ГОРНИЧНАЯ со свѣчей.

Мужъ. Гдѣ графиня?

Горничная. Ея сіятельство нездоровы.

Мужъ. Я былъ въ ея комнатѣ: тамъ никого нѣтъ.

Горничная. Ея сіятельства нѣтъ здѣсь.

Мужъ. Но гдѣ же она?

Горничная. Ихъ отвезли вчера.

Мужъ. Куда?

Горничная. Въ больницу для умалишенныхъ. Убѣгаетъ изъ комнаты.

Мужъ. Послушай, Маня,—быть можетъ, ты шутишь... спряталась, желая наказать меня? Отзовись! Маня! Маруся!..

Нѣтъ. Нѣтъ отвѣта. Да кто же тамъ? Иванъ? Катерина?—Весь домъ этотъ оглохъ и онѣмѣлъ? Ту, которой присягалъ въ вѣрности и любви, я самъ сбросилъ въ толпу погибшихъ для этого міра. Да, я уничтожалъ все, чего ни касался въ жизни. Подъ конецъ и себя уничтожу. Такъ неужели адъ пощадилъ меня лишь для того, чтобы я дольше былъ живымъ его воплощеніемъ на землѣ?

Куда же она преклонитъ сегодня свою голову? Какіе звуки будутъ убаюкивать ее въ эту ночь? Ха! Завыванія и визги сумасшедшихъ! Какъ на яву вижу ее передъ собою: чело, на которомъ свѣтится мысль, спокойная, привѣтливая, ласковая, — она опустила къ землѣ, а чистую думу свою послала въ невѣдомую безбрежность,—быть можетъ, за мною. И путается въ ней, бѣдняжка, и плачетъ...

Голосъ откуда-то. Сочиняешь драму?

Мужъ. Ха! мой демонъ отзывается! Поспѣшно раскрываетъ двери. Осѣдлать Татарина. Плащъ и пистолеты!

*

Домъ умалишенныхъ въ красивой гористой мѣстности. Садъ кругомъ.

Жена доктора. Вы не родственникъ графини?

Мужъ. Я пріятель ея мужа, и онъ поручилъ мнѣ...

Жена доктора. Видите ли, ужъ очень-то большихъ надеждъ относительно ея питать не приходится. Вотъ мужъ-то мой уѣхалъ, — онъ объяснилъ бы вамъ пообстоятельнѣе... Привезли ее вчера, въ конвульсіяхъ... Какъ жарко! Стираетъ лицо.

У насъ много больныхъ, но она меньше всѣхъ подаетъ надежды... Знаете ли, этотъ институтъ стоитъ намъ около двухсотъ тысячъ. Взгляните, какой видъ на горы. Впрочемъ, вы, видимо, торопитесь ее видѣть. Скажите, а это правда, будто якобинцы похитили ночью ея мужа?

*

Комната. Окно съ рѣшеткой; нѣсколько креселъ; кровать. Жена на диванѣ.

Мужъ. Входитъ. Я хочу, чтобы вы оставили насъ вдвоемъ.

Голосъ за дверью. Мой мужъ разсердится, если...

Мужъ. Ахъ, не безпокойтесь! Запираетъ за собою двери и направляется къ женѣ.

Голосъ надъ потолкомъ Бога связали цѣпями. Одинъ ужъ погибъ на крестѣ. Я второй богъ и тоже среди палачей.

Голосъ изъ-подъ пола. На плаху головы королей и владыкъ! Я начало свободы народовъ.

Голосъ за стѣною справа. На колѣни предъ королемъ, владыкой вашимъ!

Голосъ за стѣною слѣва. Комета уже сверкаетъ, день Страшнаго Суда приближается.

Мужъ. Ты узнаешь меня, Марія?

Жена. Тебѣ клялась я въ вѣрности до гроба.

Мужъ. Дай же руку—и идомъ отсюда.

Жена. Не могу подняться: душа оставила мое тѣло и вошла въ голову.

Мужъ. Лишь согласись, я вынесу тебя.

Жена. Погоди лишь немного: я стану тебѣ подходящей.

Мужъ. Какъ такъ?

Жена. Я молилась три ночи и Богъ услышалъ меня.

Мужъ. Не могу понять тебя.

Жена. Когда я утратила тебя, во мнѣ произошла перемѣна. „Господи Боже“,—говорила я, и била себя въ грудь, и лампаду подносила къ груди моей, и каялась во грѣхахъ своихъ,—„ниспосли мнѣ духа поэзіи!“—и на третій день утромъ я стала поэтессой.

Мужъ. Марія!

Жена. Теперь, Генрихъ, ты не будешь пре-

зирать меня; я вся—вдохновеніе,—ты не будешь покидать меня по ночамъ.

Мужъ. Нѣтъ, никогда, никогда!

Жена. Смотри на меня: развѣ я не достигла тебя?—все пойму, все уразумѣю, выражу словами, игрою, пѣніемъ... Море, звѣзды, буря, битва... Да, да!.. звѣзды, море, буря...—ахъ, что-то еще ускользнуло изъ памяти... Битва! Ты долженъ повести меня на битву; я увижу и все опишу: трупъ, саванъ, кровь, волны, роса, могила...

Безпредѣльностью объята,
Я въ безбрежности, какъ пташка,
Разсѣку эѳиръ крылами
И, взлетая въ высь, развѣюсь
Въ безпредѣльное Ничто.

Мужъ. Проклятье! о, проклятье!

Жена обнимая и цѣлуя его. Генрихъ, Генрихъ, какъ я счастлива!

Голосъ изъ-подъ пола. Трехъ королей убилъ я собственной рукою,—десять еще остается,—и сто поповъ, правящихъ обѣдню.

Голосъ за стѣною слѣва. Солнце утратило треть своего блеска, звѣзды начинаютъ сталкиваться на путяхъ своихъ. Горе, горе!

Мужъ. Для меня уже наступилъ день Суда.

Жена. Разгладь морщины. Ты снова пугаешь меня. Зачѣмъ? Чего не достаетъ тебѣ? Знаешь, что еще я скажу тебѣ?

Мужъ. Говори, говори до конца!

Жена. Твой сынъ будетъ поэтомъ.

Мужъ. Что?

Жена. При крещеніи священникъ далъ ему первое имя—поэтъ, а потомъ ужъ, знаешь, Георгій-Станиславъ. Я такъ устроила. Благословила и закляла: онъ будетъ поэтомъ.—О, какъ я люблю тебя, Генрихъ!

Голосъ надъ потолкомъ. Прости имъ Отче,—не вѣдаютъ бо, что творятъ.

Жена. Не правда ли, какое странное у него помѣшательство?

Мужъ. Удивительное.

Жена. Только онъ самъ не смыслитъ, что говоритъ. Я скажу тебѣ, что стало бы, если бы Богъ лишился разума. Беретъ его за руку. Всѣ звѣзды летятъ вверхъ и внизъ... Каждый человѣкъ, каждый червякъ вопитъ „азъ есмь Богъ!"—и каждое мгновеніе умираютъ одинъ за другимъ. Гаснутъ кометы и солнца. Христосъ не спасетъ насъ вторично. Онъ взялъ свой Крестъ обѣими руками и бросилъ въ пропасть.—Слышишь, какъ Крестъ.—надежда милліоновъ, бьется о звѣзды, ломается, трещитъ, разлетается въ куски, все ниже и ниже...Туманъ великій поднялся отъ его обломковъ. Пресвятая Богоматерь одна еще творитъ молитвы, и звѣзды, служащія ей, еще не отступили отъ Нея... но и Она пойдетъ туда, куда идетъ міръ.

Мужъ. Ты хочешь видѣть сына, Марія?

Жена. Я приколола ему крылья и послала блуждать въ міровомъ пространствѣ, чтобы онъ упился всѣмъ, что прекрасно, и страшно,

и величественно. Нѣкогда онъ вернется и очаруетъ тебя... Ахъ!

Мужъ. Тебѣ дурно?

Жена. Въ головѣ моей кто-то зажегъ лампаду... лампада качается невыносимо...

Мужъ. Марія, дорогая моя! Теперь ты снова можешь быть покойна, какъ прежде.

Жена. Кто живетъ поэзіей, тотъ не живетъ долго.

Мужъ. О, кто тамъ?—помогите, спасите!

Вбѣгаютъ женщины и ЖЕНА ДОКТОРА.

Жена доктора. Пилюли... порошки... впрочемъ, нѣтъ, ничего твердаго... какое-либо жидкое лекарство... Маргаритка, бѣги въ аптеку!—Вы сами всему причиной... мужъ узнаетъ, будетъ бранить меня...

Жена. Прощай, Генрихъ!

Жена доктора. Такъ это вы сами, ваше сіятельство?

Мужъ. Марія? Марія? Прижимаетъ ее къ груди.

Жена. Мнѣ хорошо: я умираю близъ тебя.

Закинула голову.

Жена доктора. Какая она красная... кровь бросилась въ голову.

Мужъ. Но это ей не опасно?

Докторъ вошелъ и приблизился къ дивану. Теперь ужъ ей ничто не опасно: она мертва.

II

Дитя мое! Почему ты не скачешь верхомъ на тросточкѣ, не ломаешь игрушекъ, мухамъ не обрываешь крылья, не сажаешь мотыльковъ на шпильки, не кувыркаешься по травкѣ, не воруешь сластей, не смачиваешь слезами всѣхъ буквъ отъ A и до Z? Король мухъ и бабочекъ, старинный пріятель полишинеля, маленькій дьяволъ,—почему ты такъ похожъ на ангела? Что выражаютъ эти голубые глаза, опущенные внизъ, живые, но уже полные воспоминаній, хотя лишь нѣсколько весенъ пронеслось надъ твоей головой? И эта головка,—почему оперта она на бѣлыя ручки, словно ты задумался глубоко? Почему, какъ цвѣтокъ отягченъ росою, такъ чело твое мыслями?

***

А когда зарумянятся твои щечки и ты весь пылаешь, какъ столиственная роза, и, откинувъ кудри назадъ, взоромъ устремляешься въ небо,—скажи, что ты видишь, что слышишь, съ кѣмъ говоришь въ эти минуты? Морщинки выступаютъ тогда на твоемъ лбу, словно тон-

кія-тонкія нити, выходящія изъ невидимаго клубка, въ глазахъ загорается искра огня, котораго никто не можетъ разгадать. И няня твоя зоветъ тебя, и плачетъ, и думаетъ, что ты ее не любишь, а родные и знакомые окликаютъ тебя и кажется имъ, что ты не узнаешь ихъ;—одинъ лишь отецъ молчитъ, хмурый взглядъ устремляя въ пространство; медленно слеза навертывается на глаза его и медленно исчезаетъ куда-то...

* * *

Врачъ взялъ твою руку, сосчиталъ біенія пульса, заявилъ, что ты нервенъ.

Крестный отецъ принесъ тебѣ пирожнаго, потрепалъ по плечу и предсказалъ, что будешь виднымъ гражданиномъ среди великаго народа.

Профессоръ подошелъ, ощупалъ голову твою и замѣтилъ, что у тебя способности къ отвлеченнымъ наукамъ.

Нищій, которому на улицѣ ты бросилъ грошъ въ шапку, пожелалъ тебѣ красавицу жену на землѣ и вѣнецъ въ небесахъ.

Военный подскочилъ, схватилъ тебя и подбросилъ, крикнувъ: „будетъ славный полковникъ!“

Цыганка долго читала на ладони твоей, и правой, и лѣвой,—прочесть ничего не могла, отошла со вздохомъ, принять мзду отказалась.

Магнетизеръ наложилъ пальцы на глаза твои, длинными пальцами окружилъ лицо и—

отскочилъ въ испугѣ, почувствовавъ, что самъ засыпаетъ.

Священникъ готовилъ тебя къ первой исповѣди и порывался стать на колѣни передъ тобою, какъ передъ образомъ.

Художникъ, вошедшій въ моментъ, когда ты топалъ ножками въ гнѣвѣ, набросалъ съ тебя маленькаго демона и на картинѣ Суднаго Дня помѣстилъ тебя среди проклятыхъ духовъ.

* * *

Межъ тѣмъ ты растешь и лицо твое становится все прекраснѣе,—не дѣтской свѣжестью румяной земляники, но красотою чудныхъ, непонятныхъ мыслей, которыя словно изъ иного міра приплываютъ къ тебѣ. Пусть часто меркнетъ блескъ твоихъ глазъ, а лицо становится угрюмымъ и грудь впалой,—всякій, кто увидитъ тебя, остановится хоть на минуту и скажетъ: „Что за чудный ребенокъ!“—Если бы цвѣтокъ, увядающій, имѣлъ душу изъ огня и вдохновеніе съ неба, если бы на каждомъ поникшемъ лепесткѣ его тяготѣла ангельская мысль вмѣсто капли росы,—этотъ цвѣтокъ былъ бы подобенъ тебѣ, дитя мое! Быть можетъ такіе и были до паденія Адама.

Кладбище. МУЖЪ и ОРЦІО передъ склепомъ съ готической колоннадой и башенками.

Мужъ. Сними шляпочку и помолись за душу мамы.

Орціо. Богородице—Дѣво, радуйся!—благословенна ты въ женахъ!—Царица неба—Владычица красотъ, цвѣтущихъ по землѣ, на нивахъ, на лугахъ, и...

Мужъ. Зачѣмъ измѣняешь слова молитвы? Молись, какъ тебя учили,—за маму, которая десять лѣтъ тому назадъ скончалась въ этотъ самый часъ.

Орціо. Богородице—Дѣво, радуйся, благодатная Марія, Господь съ тобою! Благословенна Ты въ сонмѣ ангеловъ, изъ коихъ каждый на пути твоемъ бросаетъ лучезарное перо своихъ крылъ подъ стопы Твои, и какъ по волнамъ...

Мужъ. Орціо!

Орціо. Но эти слова невольно врываются въ голову мнѣ и давятъ мозгъ мой: мнѣ нельзя нхъ не высказать.

Мужъ. Такая молитва не доходитъ до Господа. Не помнишь матери, любить ее не можешь.

Орціо. Я часто вижу маму.

Мужъ. Гдѣ, моя крошка?

Орціо. Во снѣ; т.-е. не совсѣмъ во снѣ, но вотъ когда засыпать начинаю... вотъ, напримѣръ, вчера.

Мужъ. Дитя, что ты болтаешь?

Орціо. Была такая блѣдная, худая...

Мужъ. И говорила что-нибудь тебѣ?

Орціо. Казалось мнѣ, что шла она въ глубокомъ, обширномъ мракѣ, сама вся бѣлая, и говорила:

Въ волнахъ простора и свѣта
Бродитъ усталый мой взоръ...
Стройно плыветъ за планетой планета,
Слышится ангельскій хоръ;
Здѣсь я блуждаю, сбирая,
Для тебя мой младенецъ родной,
Нѣжные отзвуки рая,
Чудныхъ образовъ рой.
Отъ духовъ райскихъ,
Отъ демоновъ скорби и зла
Всѣ созвучья и краски,
И лучи собрала,
И тебѣ изъ нихъ ясный
Я сплетаю вѣнецъ,
Чтобъ тебя, мой далекій, прекрасный,
Полюбилъ твой отецъ.

Видишь, я помню все отъ слова до слова, и вѣрь мнѣ: я не выдумалъ.

Мужъ. Марія! Ужели и родное дитя не по-

щадишь ты, и меня поразишь второю утратой. Что говорю я! Она гдѣ-то тамъ, въ небѣ, тихая и спокойная, какой была при жизни...— грезится этому несчастному мальчугану!

Орціо. Вотъ и сейчасъ слышу голосъ ея— только не вижу.

Мужъ. Откуда? съ какой стороны?

Орціо. Какъ-будто отъ этихъ двухъ лиственницъ, на которыя падаютъ лучи заходящаго солнца:

Я напою твои уста
Могучей силой пѣснопѣній,
Твое чело украшу я
Повязкой яркихъ сновидѣній;
Моя любовь въ твоей душѣ
Пробудитъ чувство неземное, —
Любовь къ тому, что на землѣ
Назвали люди Красотою, —
Чтобъ твой отецъ,
Мое дитя,
Любилъ тебя!

Мужъ. Неужели послѣдняя мысль человѣка при кончинѣ сопутствуетъ душѣ его въ самое небо? Неужели духъ можетъ быть чистымъ, святымъ и несчастнымъ вмѣстѣ?

Орціо. Голосъ мамы слабѣетъ... вотъ ужъ совсѣмъ замираетъ за стѣной часовни... вотъ, вотъ, слышишь, еще повторяетъ:

Чтобъ твой отецъ,
Мое дитя,
Любилъ тебя!

Мужъ. Боже, сжалься надъ этимъ ребенкомъ, котораго, мнится, въ гнѣвѣ Своемъ, Ты обрекъ безумію и ранней смерти! Господи, не отнимай разума у созданій Твоихъ, не отвергай алтарей, которые Самъ Ты воздвигъ Себѣ! Склони взоръ Твой къ страданіямъ моимъ, не предавай мукамъ ада этого херувима. Мнѣ хоть далъ Ты силу выдержать натискъ мыслей, страстей и чувствъ,—а ему что?—Далъ тѣло подобное паутинѣ, которое разорвется подъ напоромъ первой серіозной мысли. О, Господи Боже, о Боже!

Отъ дѣтскихъ лѣтъ не зналъ я дня покоя. Ты окружилъ меня толпой людей, которые говорили о моемъ счастіи, завидовали или выражали пожеланія, – Ты послалъ на меня море страданій, мимолетныхъ видѣній, смутныхъ предчувствій и грезъ. Благоволеніе Твое снизошло на разумъ мой, и ничего на сердце. Дай же мнѣ спокойно любить дитя мое, и да будетъ миръ между Творцомъ и Его тварью.

Перекрестись, сынъ мой, и пойдемъ. Вѣчная память!

Уходятъ.

*

Гулянье. Дамы и кавалеры.
ФИЛОСОФЪ и МУЖЪ.

Философъ. Повторяю—н въ этомъ мое непоколебимое убѣжденіе—наступаетъ время освобожденія женщинъ и чернокожихъ.

Мужъ. Вы правы.

Философъ. А вслѣдствіе этого и время великихъ перемѣнъ въ строѣ общественной жизни, какъ въ его общемъ, такъ и въ частностяхъ. Изъ этого я заключаю о неизбѣжномъ перерожденіи человѣчества кровью и объ уничтоженіи всѣхъ старыхъ формъ.

Мужъ. Вы думаете?

Философъ. И подобно тому, какъ шаръ земной, то выпрямляется, то наклоняется на своей оси подъ вліяніемъ внезапныхъ революцій...

Мужъ. Видите это прогнившее дерево?

Философъ. Съ молодыми листиками на нижнихъ вѣткахъ?

Мужъ. Вотъ именно. Какъ думаете, сколько лѣтъ оно простоитъ еще?

Философъ. Кто знаетъ?—Годъ,—можетъ, два...

Мужъ. Сегодня оно выпустило изъ себя нѣсколько свѣжихъ листковъ, но корни гніютъ все болѣе и болѣе.

Философъ. И что-жъ изъ этого?

Мужъ. Ничего. Только то, что оно свалится и пойдетъ на угли и пепелъ, потому что даже столяру ни на что пригодиться не можетъ.

Философъ. Но вѣдь рѣчь не объ этомъ?

Мужъ. И тѣмъ не менѣе, это — символъ всѣхъ вамъ подобныхъ, вашего вѣка и вашей теоріи.

Проходятъ.

*

Ущелье въ горахъ.

Мужъ. Много лѣтъ трудился я надъ тѣмъ, чтобы найти предѣлъ всякаго познанія, чувства и мысли, и вотъ — нашелъ могильную пустоту въ своемъ сердцѣ. Всѣ чувства знакомы мнѣ по имени, и ни единой страсти, никакой вѣры и любви нѣтъ въ душѣ моей. И однако нѣсколько предчувствій кружится въ этой пустынѣ: относительно сына, — что онъ ослѣпнетъ, относительно общества, въ которомъ я выросъ,— что оно исчезнетъ. И ношу я все это, какъ Богъ свое блаженство,—самъ въ себѣ, самъ для себя.

Голосъ ангела-хранителя. Полюби страждущихъ, алчущихъ, скорбящихъ ближнихъ твоихъ, несчастныхъ ближнихъ твоихъ, да спасенъ будешь.

Мужъ. Кто говоритъ ко мнѣ?

Мефисто проходя мимо. Поклонъ нижайшій! Люблю иногда удивить прохожаго даромъ, которымъ наградила меня природа: обладаю способностью чревовѣщанія.

Мужъ прикладывая руку къ шляпѣ. Это лицо видѣлъ я на какой-то гравюрѣ...

Мефисто въ сторону. У графа отличная память. Вслухъ. Слава и нынѣ и присно...

Мужъ. И во-вѣки вѣковъ, аминь.

Мефисто входя въ горы. Тебѣ и твоей глупости!

Мужъ. Бѣдный ребенокъ, за грѣхи отца за

безумие матери, обреченный вѣчной слѣпотѣ, недоразвившійся, не знающій желаній, живущій одними грезами,—тѣнь летящаго ангела, брошенная на землю и блуждающая по ней, пока не угасла...

Что за огромный орелъ поднялся надъ мѣстомъ, гдѣ скрылся этотъ человѣкъ?

Орелъ. Привѣтъ тебѣ, привѣтъ!

Мужъ. Летитъ ко мнѣ, весь черный... свистъ его подобенъ свисту тысячи пуль въ бою...

Орелъ. Саблей отцовъ твоихъ бейся за честь ихъ и власть!

Мужъ. Распростеръ крылья надо мною и сосетъ глаза мои взоромъ гремучей змѣи. — Ха! понимаю тебя!

Орелъ. Не уступай, не уступи никогда! И падутъ во прахъ враги твои, жалкіе враги твои.

Мужъ. Привѣтствую тебя среди этихъ скалъ, за которыми ты исчезаешь. Будь что будетъ, обманъ или истина, побѣда или погибель, я вѣрю тебѣ, вѣстникъ славы. Прошедшее да будетъ мнѣ поддержкой! А если духъ, который жилъ въ немъ, вернулся въ лоно Бога,— пусть снова отступитъ отъ него, вселится въ грудь мою, станетъ моею мыслью, моею силой, моимъ подвигомъ. Сбрасываетъ змѣю.

Прочь, подлая гадина! Какъ сбросилъ я тебя, и нѣтъ по тебѣ печали въ природѣ, такъ и они будутъ сброшены и не будетъ печали по нихъ, — имени не останется даже, — ни одна тучка не обернется на пути своемъ, чтобы

взглянуть на гибель столькихъ дѣтей земли. Они впередъ, я послѣ. -- Бездонная глубина голубого эѳира! Ты окружаешь собою землю, землю, которая, какъ младенецъ, стонетъ и плачетъ, — но ты не содрагаешься отъ этихъ стоновъ, ты не слышишь земли; ты плывешь въ свою безпредѣльность.

Природа, — прости! Оставляю тебя, чтобы стать человѣкомъ. Иду бороться съ братьями моими.

*

Комната. МУЖЪ. ВРАЧЪ. ОРЦІО.

Мужъ. Ничто не помогаетъ. Послѣдняя надежда—на Господа.

Врачъ. Мнѣ очень лестно, что...

Мужъ. Говори доктору, что ты чувствуешь.

Орціо. Уже не могу распознать ни тебя, отецъ, ни этого господина. Искры и черныя нити носятся передъ моими глазами: то сплываются въ одну тонкую змѣйку, то образуютъ желтое пятно; пятно это то опускается внизъ, то поднимается вверхъ, то вдругъ вспыхиваетъ, какъ радуга. При всемъ этомъ боли никакой не ощущаю.

Врачъ. Станьте-ка вотъ здѣсь, въ тѣни.. Сколько вамъ лѣтъ?

Мужъ. Кончилъ четырнадцать.

Врачъ. Теперь отвернитесь отъ окна.

Мужъ. Ну, какъ?

Врачъ. Вѣки превосходны, бѣлки вполнѣ

чисты; нервы въ порядкѣ, мускулы въ силѣ. Къ Орціо. Пустяки, не обращайте вниманія: будете здоровы, какъ я. Мужу. Не можетъ быть надежды; присмотритесь-ка сами къ зрачкамъ: они нечувствительны къ свѣту. Полнѣйшее ослабленіе зрительнаго нерва.

Орціо. Мракомъ заволакивается все, все!..

Мужъ. Да, правда! — открытые, темные, безъ жизни.

Орціо. Когда закрою глаза, вижу больше.

Врачъ. Мысль пересилила въ немъ тѣло. Слѣдуетъ опасаться каталепсіи.

Мужъ отводя врача въ сторону. Все, что хотите! Половину того, что имѣю.

Врачъ. Творить чудеса не въ нашихъ силахъ! Беретъ трость и шляпу. Слуга покорный! Долженъ поспѣшить: снять катарактъ одной дамѣ.

Мужъ. Но пощадите, не покидайте насъ такъ скоро.

Врачъ. Хотите знать названіе болѣзни?

Мужъ. И никакой, никакой надежды?

Врачъ. По-гречески называется amavrosis.

Уходитъ.

Мужъ прижимая къ себѣ сына. Но ты еще видишь что-нибудь?

Орціо. Слышу твой голосъ.

Мужъ. Взгляни въ окно: тамъ солнце, чудный день.

Орціо. Образы толпами проплываютъ между моими зрачками и вѣками. Вижу знакомыя лица, мѣста знакомыя, страницы прочитанныхъ книжекъ.

Мужъ. Такъ все же видишь?

Орціо. Да,—духовными глазами; а эти—погасли.

Мужъ падаетъ на колѣни. Минута молчанія. Предъ кѣмъ? Кому повѣдаю обиду моего ребенка? Встаетъ. Будемъ молчать: Богъ надъ молитвами, дьяволъ надъ проклятьями смѣются.

Голосъ откуда-то. Твой сынъ—поэтъ. Чего еще ты хочешь?

*

ВРАЧЪ. ОТЕЦЪ-КРЕСТНЫЙ.

Крестный отецъ. Да, великое несчастіе—слѣпота...

Врачъ. И весьма необыкновенное въ столь раннемъ возрастѣ.

Крестный отецъ. Онъ всегда былъ слабаго сложенія, да и мать-то его умерла какъ-то такъ...

Врачъ. То есть?

Крестный отецъ. Какъ вамъ сказать?.. Тутъ, знаете, чего-то не хватало...

Входитъ МУЖЪ.

Мужъ. Простите, что обезпокоилъ васъ докторъ, въ столь позднюю пору, но вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ мой бѣдный мальчикъ пробуждается по ночамъ, всегда около двѣнадцати, встаетъ и говоритъ во снѣ. Прошу за мною!

Врачъ. Идемте, очень интересно видѣть...

*

Спальня. НЯНЬКА. ПРИСЛУГА. РОДСТВЕННИКИ. ОТЕЦЪ-КРЕСТНЫЙ. ВРАЧЪ. МУЖЪ.

1-й РОДСТВЕННИКЪ. Тише!

Второй. Проснулся, но насъ не слышитъ.

Врачъ. Прошу, господа, не разговаривать.

Крестный отецъ. Дѣло архипрестранное.

Орціо. О, Боже, Боже! Встаетъ.

1-й РОДСТВЕННИКЪ. Какъ медленно ступаетъ...

Второй. Какъ скрестилъ руки на груди...

Третій. Не моргнетъ глазомъ. Губами едва шевелитъ, а голосъ тѣмъ не менѣе рѣзкій и протяжный...

Орціо. Прочь отъ меня, тѣни ночи! Я рожденъ сыномъ свѣта и пѣсни. Что нужно вамъ отъ меня, чего хотите? Я не поддамся вамъ хоть взоръ мой улетѣлъ съ вихрями и мчится гдѣ-то въ далекомъ пространствѣ. Да, онъ вернется когда-нибудь, обогащенный звѣздными лучами и зажжетъ мои очи огнемъ.

Крестный отецъ. Точь-въ-точь какъ покойница: плететъ, невѣдомо что. Интересное зрѣлище.

Врачъ. Согласенъ съ вами.

Нянька. Пресвятая Богородица, Матушка Ченстоховская! Возьми глаза мои и дай ихъ ему.

Орціо. Мать моя! Молю тебя, теперь навѣй на меня образовъ и мыслей, чтобы я могъ жить внутреннею жизнью, могъ создать другой свѣтъ въ себѣ самомъ, равный тому, который утратилъ.

1-й родственникъ. Что думаешь?—не обойдется безъ фамильнаго совѣта.

Второй. Погоди—тише...

Орціо. Ты не отвѣчаешь мнѣ, — о мать не покидай меня!

Врачъ мужу. Долгъ мой говорить правду.

Крестный отецъ. Да, — это долгъ и достоинство врача, господинъ докторъ.

Врачъ. У вашего сына разстройство всѣхъ органовъ чувствъ въ связи съ крайней раздражительностью нервовъ, что иногда бываетъ причиной особаго состоянія, такъ сказать, — сна на яву, въ родѣ того, какое мы сейчасъ наблюдаемъ.

Мужъ въ сторону. Ты слышишь, Господи: онъ объясняетъ мнѣ Твое наказаніе.

Врачъ. Прошу перо и чернилъ. Ceraris laurei два грана и пр. и пр.

Мужъ. Найдете въ той комнатѣ. Прошу всѣхъ выйти.

Голоса. Доброй ночи! доброй ночи! до завтра... Уходятъ.

Орціо пробуждаясь. Желаютъ доброй ночи... Говорите о долгой ночи, о вѣчной ночи, а не о доброй, не о счастливой...

Мужъ. Обопрись на меня, я отведу тебя въ постель.

Орціо. Отецъ?—Что это значитъ?

Мужъ. Укройся хорошенько и засни спокойно. Докторъ говоритъ, что къ тебѣ возвращается зрѣніе.

Орціо. Какъ обидно: чьи-то голоса прервали мой сонъ.

Мужъ. Мое благословеніе да будетъ съ тобою. Ничего болѣе не могу дать тебѣ: ни счастія, ни солнца, ни славы. Бьетъ часъ, который зоветъ меня на борьбу, на борьбу одного и нѣсколькихъ противъ многихъ людей. Какъ будешь жить ты одинъ, среди столькихъ опасностей, слѣпой и слабый, дитя и поэтъ вмѣстѣ, несчастный пѣвецъ безъ слушателей, душою живущій за рубежомъ земли, а тѣломъ прикованный къ землѣ, — о ты, несчастный, несчастнѣйшій изъ ангеловъ, ты, — сынъ мой!

Нянька въ дверяхъ. Докторъ проситъ васъ на минуту.

Мужъ. Побудь съ ребенкомъ, добрая моя Катерина.

III.

Къ пѣснѣ — къ пѣснѣ!

Кто начнетъ ее, кто ее кончитъ? — Дайте мнѣ прошлое, закованное въ сталь, развѣвающее рыцарскія перья! — Готическія башни я представлю глазамъ вашимъ, брошу на голову вамъ тѣнь каѳедральныхъ соборовъ... Не то, не то! — этого ужъ никогда не будетъ.

* * *

Кто бы ты ни былъ, скажи мнѣ, во что ты вѣруешь? — Ты легче лишишься жизни, чѣмъ найдешь свою вѣру, чѣмъ возбудишь ее къ себѣ! Стыдитесь, стыдитесь всѣ, отъ мала до велика! Но пусть вы умѣренны и ничтожны, пусть вы безъ сердца и мозга, — міръ неуклонно идетъ къ своимъ цѣлямъ и влечетъ васъ за собою, гонитъ предъ собою, играетъ вами, отбрасываетъ, выбрасываетъ васъ, — все въ мірѣ кружится, какъ въ танцѣ: пары исчезаютъ, и вновь появляются, и совсѣмъ пропадаютъ. Потому что ужъ близко, потому что крови много, кровь всюду. Крови много, говорю я вамъ.

* *
*

Ты видишь эти толпы, ставшія подъ городскими воротами, среди пригорковъ и посадки тополей? Разбиты палатки, сколочены длинныя доски, уставлены мясомъ и напитками, подперты обрубками, полѣньями. Кубокъ быстро переходитъ изъ рукъ въ руки, а гдѣ прикоснется къ устамъ, тамъ слышится голосъ, угроза, клятва, проклятіе. Кубокъ летаетъ, кружитъ, танцуетъ и, всегда полный, пѣнясь, блеститъ среди тысячъ народа.

Да здравствуетъ кубокъ опьяненія и утѣхи!

* *
*

Ты видишь, какъ нетерпѣливо ждутъ они— и ропщутъ межъ собой, и готовятся кричать, всѣ жалкіе, съ потными лбами, съ растрепанными волосами, въ лохмотьяхъ, съ загорѣлыми лицами, съ мозолистыми отъ работы руками? Тѣ принесли съ собой косы, другіе потрясаютъ молотами и стругами. Гляди: тотъ, высокій, держитъ опущенный топоръ, а этотъ желѣзнымъ пестомъ размахиваетъ надъ головою. А тамъ, въ сторонѣ, умѣстившись подъ вербой, мальчишка алчно глотаетъ вишни, а сверстникъ его сжимаетъ шило правой рукою. Женщины тоже пришли сюда,—ихъ матери, ихъ жены,—голодныя, нищія, какъ они сами, увядшія раньше времени, безъ признаковъ женственности и красоты. На волосахъ ихъ пыль столбовой дороги, на бедрахъ обрывки одежды, въ

глазахъ что-то гаснущее, угрюмое,—насмѣшка надъ взоромъ. Но и онѣ быстро оживляются; кубокъ пробѣгаетъ всюду, кружитъ всюду.

Да здравствуетъ кубокъ опьяненія и утѣхи!

* * *

Но вотъ страшный шумъ пронесся средь толпы... Что это? — восторгъ или отчаяніе? Кто распознаетъ, какія чувства звучатъ въ голосахъ тысячъ? — Тотъ, который подошелъ и, вскочивъ на столъ, сталъ на стулѣ, господствуетъ надъ ними, говоритъ къ нимъ. Голосъ его протяженъ, рѣзокъ, выразителенъ; каждое слово разслышишь, поймешь. Движенія его, свободныя и легкія, аккомпанируютъ словамъ, какъ музыка пѣснѣ. Лобъ высокій, широкій, ни волоска на черепѣ,— выпали, изсушенные мыслями, — кожа присохла къ костямъ на головѣ и на щекахъ, желтоватыми полосами врѣзалась межъ мускуловъ; а отъ висковъ черная борода вѣнкомъ опоясываетъ лицо. Никогда ни кровинки, ни измѣненія цвѣта въ лицѣ: взглядъ неподвижно впился въ толпу; ни на мигъ не уловишь смущенія или замѣшательства. Когда же подниметъ онъ руку, протянетъ, простретъ ее надъ ними, они склоняютъ головы, кажется, вотъ-вотъ падутъ на колѣни предъ этимъ благословеніемъ великаго ума,—не сердца: прочь съ сердцемъ, съ предразсудками. Да звучитъ слово утѣхи и убійства!

* * *

Онъ — ихъ вдохновеніе, ихъ любовь; онъ властитель ихъ духа и пыла. Онъ обѣщаетъ имъ хлѣбъ и хорошій заработокъ. Поднялись крики, пронеслись среди массъ, отдались въ сторонахъ; „Да здравствуетъ Панкратій! Хлѣба намъ, хлѣба намъ, хлѣба!“ — А у ногъ витіи на столъ оперся не то другъ его, не то товарищъ, не то слуга...

* * *

Глаза восточные, черные, оттѣненные длинными рѣсницами; плечи повисли, ноги подкошены, разслабленное тѣло покосилось на бокъ, на губахъ улыбка любострастія и злобы, на пальцахъ золотые перстни. Онъ тоже хриплымъ голосомъ кричитъ: „да здравствуетъ Панкратій!“ — Витія на мгновеніе обратилъ къ нему взоръ свой: „подними платокъ мой, гражданинъ-выкрестъ!“ А вокругъ все растутъ и растутъ рукоплесканія и вопли: „Хлѣба намъ, хлѣба намъ, хлѣба! — Смерть барамъ, смерть купцамъ,—хлѣба, хлѣба!“

Баракъ. Нѣсколько лампъ. Раскрытая книга на столѣ. ВЫКРЕСТЫ.

Выкрестъ. Братья мои униженные, братья мои мстительные, братья возлюбленные,—припадемъ къ страницамъ Талмуда, какъ къ груди, молокомъ обильной, груди, жизнь подающей, изъ которой сила и сладость истекаетъ для насъ, горечь и отрава для нихъ.

Хоръ выкрестовъ. Іегова — Господь нашъ и никто же кромѣ Него. Онъ разбросалъ насъ повсюду, Онъ нами, какъ кольцами безконечной змѣи, сдавилъ міръ почитателей Креста, спесивыхъ и глупыхъ, господъ нащихъ, не знающихъ ученія. Трижды плюнемъ на гибель имъ, трижды проклятіе имъ!

Выкрестъ. Радуйтесь братья, мои! Крестъ, врагъ нашъ, подрубленный, подгнившій, стоитъ нынѣ надъ лужею крови, а разъ онъ падетъ,— не поднимется болѣе. Нынѣ еще аристократы охраняютъ его.

Хоръ. Впередъ подвигается работа вѣковъ,

работа наша кропотливая, тяжелая, упорная. Трижды плюнемъ на гибель имъ, трижды проклятіе имъ!

Выкрестъ. На свободѣ безъ порядка, на рѣзнѣ безъ конца, на раздорахъ и злобѣ, на ихъ глупости и спеси воздвигнемъ могущество Израиля. Только кучку этихъ аристократовъ—только эту кучку свергнуть,—и засыплются трупы ихъ обломками Креста.

Хоръ. „Крестъ—знамя наше святое, вода креста связала насъ съ людьми",—повѣрили презирающіе любви презираемыхъ!—„Свобода народа — знамя наше, благо народа — цѣль наша",—повѣрили сыны христіанъ сынамъ Каіафы! Нѣкогда отцы наши замучили Врага — нынѣ мы снова мучимъ Его, и Онъ болѣе не возстанетъ изъ мертвыхъ.

Выкрестъ. Еще немного мгновеній, еще немного капель яду, — и свѣтъ нашъ, нашъ, братья мои!

Хоръ. Іегова—Господь Израиля и никто же кромѣ Него. Трижды плюнемъ на гибель народу, трижды проклятіе имъ! Слышенъ стукъ.

Выкрестъ. За работу!—а ты, святая книга, прочь отсюда, чтобы взглядъ проклятаго не осквернилъ страницъ твоихъ. Прячетъ Талмудъ. Кто тамъ?

Голосъ за дверью. Свой! Именемъ свободы,—отоприте!

Выкрестъ. Братья, за веревки! Отпираетъ.

Леонардъ входя. Добро, граждане, что вы заботитесь о завтрашнемъ и точите кин-

жалы. Подходитъ къ одному. А ты что дѣлаешь здѣсь, въ углу?

Одинъ изъ выкрестовъ. Заготовляю веревки, гражданинъ.

Леонардъ. Умно, братъ мой; кто не погибнетъ отъ меча, пусть на суку повиснетъ.

Выкрестъ. Любезный гражданинъ,—такъ дѣло окончательно назначено на завтра?

Леонардъ. Тотъ, кто мыслитъ и чувствуетъ сильнѣе насъ всѣхъ, приглашаетъ тебя къ себѣ: онъ самъ тебѣ и отвѣтитъ на этотъ вопросъ.

Выкрестъ. Иду! А вы не уставайте въ работѣ. Янкель, смотри за ними хорошенько!

Выходитъ съ Леонардомъ.

Хоръ выкрестовъ. Веревки и кинжалы, дубины и ножи,—дѣло рукъ нашихъ,—идите на гибель имъ! Они будутъ избивать баръ на поляхъ, вѣшать ихъ въ садахъ и рощахъ, а мы потомъ ихъ самихъ убьемъ и повѣсимъ. Презрѣнные возстанутъ въ гнѣвѣ своемъ, воспрянутъ во славу Іеговы. Въ словѣ Его, въ спасеніи и любви къ намъ — уничтоженіе всѣмъ, кто не нашъ. Трижды плюнемъ на гибель имъ, трижды проклятіе имъ!

*

Шалашъ. Разбросаны бутылки и стаканы.

Панкратій. Полсотни ихъ кутили здѣсь минуту назадъ, и за каждымъ моимъ словомъ кричали: „виватъ!“—Понялъ ли хоть одинъ мои

мысли? Провидѣлъ ли хоть одинъ конецъ той дороги, стоя у начала которой они шумѣли?— А!—fervide imitatorum pecus!

Входятъ Леонардъ и Выкрестъ.

Ты знаешь графа Генриха?

Выкрестъ. Великій гражданинъ—болѣе по виду, нежели по рѣчи. Разъ только, помню, проходя въ церковь въ праздникъ Божія Тѣла, крикнулъ онъ мнѣ: „посторонись!“ и окинулъ меня взоромъ господина, за что въ душѣ я посулилъ ему веревку...

Панкратій. Завтра, чѣмъ свѣтъ, отправишься къ нему и скажешь, что я хочу съ нимъ видѣться частнымъ образомъ, тайно,— послѣзавтра ночью.

Выкрестъ. А сколько дашь мнѣ людей для конвоя? Неосторожно было бы итти одному.

Панкратій. Отправляйся одинъ: имя мое—твоя охрана, висѣлица, на которой вчера повѣсили барона,—твоя поддержка.

Выкрестъ. Ай-вай!

Панкратій. Скажешь, что я приду къ нему въ полночь послѣзавтра.

Выкрестъ. А если велитъ засадить меня или побить палками?

Панкратій. Будешь мученикомъ за свободу народа.

Выкрестъ. Все, все за свободу народа! Въ сторону. Ай-вай!

Панкратій. Доброй ночи, гражданинъ!

Выкрестъ выходитъ.

Леонардъ. Къ чему эта проволочка, по-

лумѣры, сдѣлки, разговоры?—Когда я клялся повиноваться тебѣ и славить твое имя,—я считалъ тебя исполиномъ рѣшительности, орломъ, летящимъ прямо къ цѣли, человѣкомъ, который себя и всѣхъ ставитъ на одну карту.

Панкратій. Молчи, ребенокъ!

Леонардъ. Всѣждутъ,готовы...выкресты наковали оружія, наплели веревокъ... толпы шумятъ, требуютъ приказаній.– Скажи слово, и оно полетитъ какъ искра, вспыхнетъ какъ молнія, смѣнится громомъ, разрѣшится пожаромъ.

Панкратій. Кровь бьетъ тебѣ въ голову! Это говоритъ въ тебѣ молодость, а ты не умѣешь совладать съ нею и называешь это воодушевленіемъ.

Леонардъ. Взвѣсь, что дѣлаешь! Аристократы въ своемъ безсиліи заперлись въ замкѣ Св. Троицы и ждутъ нашего нападенія, какъ ножа гильотины. Впередъ, вождь народа, впередъ и, не медля, на нихъ!

Панкратій. Не все ли равно? Они утратили мощь тѣла въ нѣгѣ, мощь духа—въ бездѣльѣ: завтра или послѣзавтра они должны пасть.

Леонардъ. Кого же боишься? Кто удерживаетъ тебя?

Панкратій. Никто,—только моя воля.

Леонардъ. А я слѣпо долженъ довѣрять ей?

Панкратій. Слѣпо,—говорю я.

Леонардъ. Ты намъ измѣняешь.

Панкратій. Какъ припѣвъ у пѣсни, такъ „измѣна“ въ концѣ каждой твоей фразы!—Не кричи! Потому что, если бы кто-нибудь подслушалъ насъ...

Леонардъ. Здѣсь нѣтъ шпіоновъ... А что бы было?

Панкратій. Ничего... только пять пуль въ твоей груди за то, что смѣлъ ты однимъ тономъ выше говорить въ моемъ присутствіи. Приближаясь къ нему. Мнѣ вѣрь и—успокойся!

Леонардъ. Забылся, сознаюсь. Но не боюсь наказанія: если моя смерть должна послужить примѣромъ, придать крѣпость и силу нашему дѣлу,—рази!

Панкратій. Ты полонъ жизни, полонъ надеждъ и глубокой вѣры. Счастливѣйшій изъ людей,—не хочу лишать тебя жизни.

Леонардъ. Что говоришь ты?

Панкратій. Думай больше, говори меньше... Когда-нибудь поймешь меня.

Послалъ ли въ складъ за двумя тысячами патроновъ?

Леонардъ. Послалъ Дейца съ отрядомъ.

Панкратій. А складчина портныхъ сдана ли въ кассу?

Леонардъ. Въ восторженномъ и искреннемъ порывѣ сложились всѣ до одного и принесли сто тысячъ.

Панкратій. Завтра я приглашу ихъ на ужинъ. Что-нибудь новаго слышалъ о графѣ Генрихѣ?

Леонардъ. Я слишкомъ презираю господъ, чтобы вѣрить тому, что говорятъ о немъ. Вымирающія расы не имѣютъ энергіи, не должны имѣть, не могутъ.

Панкратій. Однако, онъ собираетъ своихъ поселянъ и, увѣренный въ ихъ преданности, готовится итти на выручку св. Троицы.

Леонардъ. Кто устоитъ передъ нами? Въ насъ выражается идея нашего вѣка.

Панкратій. Хочу его видѣть, взглянуть въ глаза ему, проникнуть въ глубь сердца и затѣмъ—перетянуть на нашу сторону.

Леонардъ. Аристократъ заклятый.

Панкратій. Но и поэтъ вмѣстѣ.—Теперь оставь меня одного.

Леонардъ. Ты прощаешь меня, гражданинъ?

Панкратій. Усни спокойно. Если бы я не простилъ тебя, ты уже спалъ бы сномъ вѣчнымъ.

Леонардъ. Такъ завтра не будетъ...?

Панкратій. Доброй ночи и пріятныхъ сновидѣній! Леонардъ выходитъ.

Гей, Леонардъ!

Леонардъ возвращается. Вождь гражданъ?

Панкратій. Послѣзавтра въ ночь пойдешь со мною къ графу Генриху.

Леонардъ возвращается. Слушаю. Выходитъ.

Панкратій. Почему же мнѣ, вождю тысячъ, этотъ одинъ человѣкъ кажется препятствіемъ? Силы его ничтожны въ сравненіи съ моими: нѣсколько сотъ мужиковъ, слѣпо вѣ-

рящихъ его слову, привязанныхъ къ нему привязанностью домашнихъ животныхъ. Отребье, ничтожество! Почему же я такъ стремлюсь его видѣть, соблазнить его? Или духъ мой встрѣтилъ равнаго себѣ и замедлилъ на минуту? Но это послѣдняя преграда на этихъ равнинахъ, надо ее обрушить, а тамъ... Мысль моя! ужели ты не въ силахъ обольстить себя, какъ обольщаешь другихъ? Стыдись! ты знаешь цѣль свою, ты — мысль, владычица людей, въ тебѣ сосредоточилась воля и сила всѣхъ, и въ чемъ лишь раздоръ для иныхъ, въ томъ твоя слава. Ты дала имена людямъ, безвѣстнымъ и низкимъ, дала вѣру людямъ лишеннымъ сердца,—свѣтъ по образу своему, свѣтъ новый создала вокругъ себя. А сама блуждаешь и не знаешь, что ты. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ты—велика... Падаетъ въ кресло и задумывается.

*

Лѣсъ. Разбиты палатки. Посрединѣ полянка, на ней висѣлица. Бараки огни, бочки. Толпы народа.

Мужъ переодѣтый въ черный плащъ, въ красной „шляпѣ свободы" на головѣ, входитъ, держа Выкреста подъ руку

Помни!

Выкрестъ тихо. Ваша свѣтлость, я проведу васъ, не выдамъ, честное слово.

Мужъ. Моргни лишь глазомъ, шевельни пальцемъ,—и я пущу въ лобъ тебѣ пулю. Суди, во что я ставлю твою жизнь, если рискую своею.

Выкрестъ. Ай-вай! Вы стискиваете мнѣ руку желѣзными клещами, — но что же мнѣ дѣлать?

Мужъ. Разговаривай со мною просто, какъ съ хорошимъ знакомымъ, какъ съ пріятелемъ, вновь прибывшимъ. Что это за танцы?

Выкрестъ. Это танецъ свободныхъ людей.

Мужчины и женщины танцуютъ вокругъ висѣлицы и поютъ.

Хлѣба, работы, дровъ зимою, отдыха лѣтомъ. Ура, ура!
Богъ не зналъ состраданія къ намъ. Ура, ура!
Короли не знали состраданія къ намъ. Ура, ура!
Господа не знали состраданія къ намъ. Ура, ура!
И Богу, и королямъ, и господамъ нынѣ воздадимъ благодарность за милость. Ура, ура!

Мужъ одной изъ дѣвушекъ. Какъ пріятно мнѣ видѣть тебя такой румяной и веселой.

Дѣвушка. Давненько мы ждали этого дня. Довольно ужъ я мыла тарелки да чистила вилки! Ласковаго слова никогда не слыхала,— а теперь время, время самой поѣсть, самой потанцовать. Ура!

Мужъ. Танцуй же, гражданка!

Выкрестъ тихо. Пощадите, кто-нибудь можетъ узнать васъ. Уйдемте!

Мужъ. Если кто-нибудь узнаетъ меня, прощайся съ жизнью. Идемъ дальше.

Выкрестъ. Здѣсь подъ дубомъ расположился клубъ лакеевъ.

Мужъ. Подойдемъ ближе.

1-й лакей. Я уже спровадилъ моего прежняго барина.

2-й лакей. А я все еще ищу своего барона. Твое здоровье!

Камердинеръ. Граждане, мы, которые въ поту, въ униженіи склонялись подъ ярмомъ, чистя сапоги и брея бороды, — теперь мы почувствовали права свои. Здоровье всего клуба!

Хоръ лакеевъ. Здоровье президента! Онъ поведетъ насъ дорогой почета.

Камердинеръ. Спасибо, граждане!

Хоръ лакеевъ. Изъ переднихъ, темницъ нашихъ, дружно вышли мы однимъ натискомъ. Виватъ! Знаемъ мы все смѣшное, все порочное, что творится въ салонахъ! Виватъ! виватъ!

Мужъ. Что за голоса, еще болѣе грубые и дикіе, доносятся изъ этой чащи налѣво?

Выкрестъ. Это хоръ мясниковъ, ваша свѣтлость.

Хоръ мясниковъ. Топоръ и ножъ— оружіе наше, бойня — жизнь наша. Намъ все равно—рѣзать быковъ или рѣзать господъ.

Дѣти силы и крови, мы равнодушно смотримъ на тѣхъ, кто послабѣе и почище насъ; кто позоветъ насъ, тому мы и служимъ: для господъ бьемъ быковъ, для народа господъ.

Топоръ и ножъ — оружіе наше, бойня — жизнь наша, бойня, бойня, бойня!

Мужъ. Они мнѣ нравятся: по крайней мѣрѣ не поминаютъ о чести, о философіи. — Добрый вечеръ, сударыня!

Выкрестъ тихо. Ваша свѣтлость, говорите „гражданка“ или „свободная женщина“.

Женщина. Что за обращеніе? Откуда ты откопалъ его? Фи, фи! отъ тебя отдаетъ стариною.

Мужъ. Языкъ заплелся.

Женщина. Я свободна, какъ и ты; я— вольная женщина. Обществу, которое признало права мои, раздаю любовь свою.

Мужъ. А общество взамѣнъ дало тебѣ эти кольца, эту аметистовую цѣпь? О, вдвойнѣ добродѣтельное общество!

Женщина. Нѣтъ,—эту мелочь я сорвала въ моментъ освобожденія съ мужа, врага моего, врага свободы, который держалъ меня въ заключеніи.

Мужъ. Желаю гражданкѣ пріятной прогулки! Проходитъ. А кто этотъ странный воинъ, что оперся на обоюдоострую саблю, съ изображеніемъ мертвой головы на шляпѣ, на груди и портупеѣ? Не славный ли Бланкетти, современный кондотьери на службѣ у толпы, какъ нѣкогда былъ на службѣ у правительствъ и князей?

Выкрестъ. Онъ самый. Всего недѣля, какъ прибылъ.

Мужъ. О чемъ такъ задумался генералъ?

Бланкетти. А видите, вонъ тамъ, въ просвѣтѣ между группами кленовъ... смотрите хорошенько: распознаете замокъ на горѣ? Въ мой бинокль его видать превосходно; окопы, стѣны, четыре бастіона...

Мужъ. Трудненько овладѣть имъ.

Бланкетти. Ха! сто чертей! но можно обойти лощиной, подкопаться и...

Выкрестъ моргая. Гражданинъ-генералъ...

Мужъ тихо. Слышишь, какъ щелкаетъ курокъ у меня подъ плащемъ?...

Выкрестъ въ сторону. Ай вай! Громко. Каковъ же вашъ планъ, гражданинъ-генералъ?

Бланкетти. Хоть вы и братья мнѣ по свободѣ,—не братья по генію. Послѣ побѣды всѣ узнаете о моихъ планахъ. Отходитъ.

Мужъ. Совѣтую вамъ убить его: такъ начинается всегда аристократія.

Ремесленникъ. Проклятіе, проклятіе!

Мужъ. Что ты дѣлаешь здѣсь подъ деревомъ? Почему глядишь такъ дико и уныло?

Ремесленникъ. Проклятіе купцамъ, проклятіе фабрикантамъ. Лучшіе годы, когда другіе любятъ женщинъ, бьются въ открытомъ полѣ, странствуютъ въ далекомъ морѣ, я загубилъ въ тѣсной каморкѣ за тканьемъ шелка.

Мужъ. Такъ осушай же чарку, что держишь въ рукахъ!

Ремесленникъ. Нѣтъ силъ, — не могу поднести ее къ губамъ. Вотъ... кое-какъ приползъ еще сюда, но для меня не загорится день свободы. Проклятіе купцамъ, которые продаютъ шелкъ, проклятіе господамъ, которые его носятъ! Умираетъ.

Выкрестъ. Какой отвратительный трупъ!

Мужъ. Трусъ свободы, гражданинъ-выкрестъ! Гляди на эту безжизненную голову, плавающую въ кровавомъ свѣтѣ заходящаго

солнца: что теперь ваши рѣчи, ваши обѣщанія равенства и счастія людей?

Выкрестъ въ сторону. Чтобъ ты самъ околѣлъ поскорѣе, и псы разнесли по кускамъ твое тѣло! Громко. Пустите меня: я долженъ сдать отчетъ въ моемъ порученіи.

Мужъ. Скажешь, что я задержалъ тебя, принявъ за шпіона. Озирается вокругъ. Отголоски разговоровъ замираютъ за нами, впереди только сосны да ели, залитыя вечерними лучами.

Выкрестъ. На небѣ скопляются тучи; не вернутся ли вамъ къ своимъ, что ждутъ васъ давно ужъ въ оврагѣ св. Игнатія.

Мужъ. Благодарю за твою заботливость, почтенный жидъ. Назадъ! Хочу еще разъ взглянуть на свободныхъ гражданъ въ сумеркахъ.

Голосъ за деревьями. Потомокъ Хама желаетъ доброй ночи старому солнышку!

Справа голосъ. За твое здоровье, старый врагъ нашъ, что гналъ насъ на трудъ въ поту. Взойдешь завтра,—застанешь твоихъ рабовъ за мясомъ и водкой. А теперь—чарка къ чорту!

Выкрестъ. Сюда валитъ толпакрестьянъ.

Мужъ. Не вырвешься! Стой здѣсь за пнемъ и ни слова!

Голоса мужиковъ. Впередъ, впередъ! — подъ палатки, къ братцамъ нашимъ! Впередъ, впередъ,—подъ навѣсы кленовъ, поспать, поболтать вечеринку! Тамъ ждутъ насъ дѣвушки, тамъ быковъ иабили, — ждутъ насъ товарищи по плугу.

1-й голосъ. Тяну, волоку—нейдетъ, упирается! Иди, иди въ солдаты! Иди!

Голосъ помѣщика. Дѣти мои, сжальтесь, сжальтесь...

2-й голосъ. Верни мнѣ всѣ дни барщины!

3-й голосъ. Воскреси моего сына изъ-подъ батаговъ гайдуцкихъ!

4-й голосъ. Хамы пьютъ за твое здоровье, баринъ! Ты ужъ извини иасъ.

Хоръ мужиковъ. Вампиръ сосалъ кровь нашу,—поймали вампира! Не выпустимъ вампира!—Убрать его, дьявола, убрать! — Ты покончишь на высотѣ, какъ и подобаетъ барину, высоко вознесенъ будешь надъ нами. – Барамъ-тиранамъ смерть, намъ голоднымъ, намъ усталымъ—ѣсть, пить, спать! Какъ снопы въ полѣ—будутъ ихъ трупы, какъ мякина въ молотилкѣ — прахъ ихъ замковъ нашими топорами, нашими косами, нашими цѣпами, — братцы, впередъ!

Мужъ. Не удалось разглядѣть лица за стволами...

Выкрестъ. Возможно, что другъ, а то и родственникъ вашей свѣтлости.

Мужъ. Его презираю, а васъ ненавижу. Поэзія все позолотитъ со временемъ, но... дальше, жидъ, дальше! Углубляется въ чащу.

*

Другая часть лѣса. Пригорокъ; костры; толпа народа съ факелами.

Мужъ изъ-за деревьевъ показывается съ Выкрестомъ у подножія пригорка. Вѣтви въ клочья порвали

мою „шляпу свободы“ .. А это что за адъ рыжеватыхъ огней, что пылаютъ межъ двухъ стѣнъ лѣса, двухъ обваловъ мрака?

Выкрестъ. Мы сбились съ пути, ища выхода къ оврагу св. Игнатія. Скорѣе спрячемся въ кусты: здѣсь Леонардъ правитъ обрядъ новой вѣры.

Мужъ сопротивляясь. Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога впередъ: это-то особенно меня и интересовало. Не бойся, никто насъ не узнаетъ.

Выкрестъ. Здѣсь осторожнѣе, не торопитесь.

Мужъ. Повсюду развалины какой-то громады, которая вѣка, должно быть, простояла, прежде чѣмъ рухнуть... колонны, пьедесталы, капители... побитыя статуи... разбросаны куски мозаики, какою въ старину украшали своды храмовъ... вотъ подъ ногой блеститъ разбитое окно... словно ликъ Богоматери мелькиулъ во мракѣ, и вновь темно... Смотри: здѣсь цѣлая повалена аркада, а вотъ чугунная рѣшетка, засыпанная щебнемъ... Сверху блескъ факела на мгновеніе освѣтилъ темноту: вижу половину каменнаго рыцаря на половинѣ могильной плиты... Гдѣ я, проводникъ?

Выкрестъ. Наши усердно поработали за эти сорокъ дней и ночей — и вотъ, наконецъ, снесли послѣднюю церковь на здѣшнихъ равнинахъ. Мы идемъ какъ разъ черезъ кладбище.

Мужъ Горько отдаются въ ушахъ моихъ ваши пѣсни, новые люди!

Черныя тѣни людей тѣснятся съ боковъ, и

спереди, и сзади, а развѣваемые вѣтромъ огни проходятъ надъ толпой, какъ живые духи...

Прохожій. Именемъ свободы привѣтствую васъ, обоихъ.

Другой. Смертью господъ привѣтствую васъ обоихъ.

Третій. Что жъ медлите?—ужъ тамъ поютъ жрецы свободы.

Выкрестъ. Куда тутъ!— отовсюду напираютъ.

Мужъ. Кто этотъ юноша, стоящій на грудѣ развалинъ? Подъ нимъ горятъ три костра, въ дыму и заревѣ пылаетъ лицо его, а голосъ звучитъ безуміемъ.

Выкрестъ. Это—Леонардъ,вдохновениый пророкъ свободы. Вокругъ него наши жрецы, философы, поэты, артисты, ихъ дочери и любовницы.

Мужъ. Ха! ваша аристократія. Ну, покажи мнѣ того, который тебя послалъ ко мнѣ.

Выкрестъ. Не вижу его здѣсь.

Леонардъ. Дайте мнѣ прижать ее къ устамъ, къ груди моей! дайте мнѣ мою прекрасную, независимую, вольную, свободную отъ покрововъ и отъ предразсудковъ вмѣстѣ, избранницу среди дочерей свободы, возлюбленную мою!

Дѣвичій голосъ. Лечу къ тебѣ, возлюбленный мой!

Другой голосъ. Взгляни: къ тебѣ протягиваю руки, но падаю отъ изнеможенія; ползу къ тебѣ по пепелищу.

Третій голосъ. Я опередила ее! По золѣ и углямъ, сквозь огонь и дымъ иду къ тебѣ, возлюбленный мой!

Мужъ. Съ распущенными волосами, вздымающеюся грудью взбирается на развалины страстными порывами...

Выкрестъ. Такъ бываетъ каждую ночь!

Леонардъ. Ко мнѣ, отрада моя, дочь свободы! Ты дрожишь въ священномъ изступленьи,—вдохновеніе да охватитъ душу мою.— Внемлите всѣ; пророчествовать буду.

Мужъ... опускаетъ голову, изнемогаетъ...

Леонардъ. Мы оба являемъ образъ человѣчества, освобожденнаго, воскресшаго изъ мертвыхъ, и вотъ стоимъ на развалинахъ старыхъ формъ, стараго Бога. Слава намъ: мы порвали Его тѣло, — теперь пыль и прахъ оно, — а Духъ Его побѣдили своимъ духомъ. Духъ Его нынѣ—ничто.

Хоръ дѣвушекъ. Счастливая, счастливая избранница пророка! Мы здѣсь внизу стоимъ, завидуя славѣ ея.

Леонардъ. Свѣтъ новый провозглашаю. Отдайте небо новому богу! Богъ свободы и радости, владыка народа,—каждая жертва мести, каждый трупъ мучителя да будетъ алтаремъ твоимъ! Въ морѣ крови да потонутъ старыя слезы и страданія человѣчества. Отнынѣ жизнь его — счастіе, законъ его — равноправность; кто противъ,—тому петля и проклятіе.

Хоръ мужчинъ. Рухнуло зданіе гнета и спеси; кто подниметъ хоть одинъ камень его— тому смерть и проклятіе!

Выкрестъ въ сторону. Хулители Іеговы,— трижды плюю на гибель вамъ!

Мужъ. Орелъ, сдержи обѣщаніе,—и здѣсь на ихъ трупахъ я воздвигну новый храмъ Іисусу.

Смѣшанные голоса. Свобода! счастье! ура! ура! ура!

Хоръ жрецовъ. Гдѣ бары, гдѣ короли, что проходили недавно по землѣ со скипетрами и въ коронахъ, надменно и гнѣвно?

1-й убійца. Я убилъ Оттона!

2-й убійца. Я убилъ Генриха!

3-й увійца. Я убилъ Эммануэля!

Леонардъ. Идите, не зная тревоги, и убивайте, не зная колебаній! Вы избранные среди избранныхъ, святые среди святѣйшихъ, потому что вы мученики, богатыри Свободы.

Хоръ предателей. Мы двинемся въ глухую ночь, стиснувъ украдкой кинжалы; мы двинемся, двинемся въ путь!

Леонардъ. Приди въ себя, красавица моя! Ударъ грома. Отвѣтьте же Богу живому, вознесите пѣсни ваши! За мною идите, всѣ, всѣ за мной! Обойдемъ еще разъ и потопчемъ святыни умершаго Вога. А ты подними лицо, встань, пробудися!

Дѣвушка. Къ тебѣ и Богу твоему горю любовью,—всему міру отдамъ любовь мою,— горю, горю!..

Мужъ. Кто это подбѣжалъ къ нему, упалъ на колѣни и, словно въ борьбѣ съ самимъ собою, бормочетъ что-то, чего-то проситъ?

Выкрестъ. Вижу, вижу: это сынъ великаго философа.

Леонардъ. Чего ты хочешь, Германъ?

Германъ. Верховный жрецъ! молю о посвященьи на убійства.

Леонардъ. Подайте елей, кинжалъ и отраву. Герману. Елеемъ, коимъ нѣкогда помазали королей, помазую тебя нынѣ на гибель королямъ. Оружіе былыхъ рыцарей и господъ влагаю въ длань твою на смерть господамъ. На груди твоей вѣшаю этотъ медальонъ, наполненный отравой: тамъ, куда не проникнетъ твоя сталь, пусть жжетъ она огнемъ утробы тирановъ. Иди и уничтожай старое поколѣніе во всѣхъ концахъ свѣта.

Мужъ. Вотъ онъ двинулся и во главѣ толпы спускается съ пригорка.

Выкрестъ. Сойдемте съ дороги.

Мужъ. Нѣтъ, хочу доглядѣть этотъ сонъ до конца.

Выкрестъ въ сторону. Трижды плюю на тебя. Громко. Леонардъ можетъ узнать меня, ваша свѣтлость, видите, какой ножъ у бедра его!

Мужъ. Закройся плащемъ моимъ. А что это за женщины, что танцуютъ передъ нами.

Выкрестъ. Это жены графовъ и князей, которые оставили мужей своихъ и перешли въ нашу вѣру.

Мужъ. Когда-то кумиры мои! — Толпа охватила его со всѣхъ сторонъ, исчезъ изъ глазъ въ общей давкѣ. По ихъ пѣнію можно понять

что онъ удаляется отъ насъ. Иди за мной, оттуда виднѣе. Взбирается на обломокъ стѣны.

Выкрестъ. Ай вай-вай! Насъ тутъ всякій замѣтитъ.

Мужъ. Вотъ теперь снова вижу его. Другія женщины тѣснятся къ нему, блѣдныя, изступленныя, въ судорогахъ... сынъ философа яростно потрясаетъ кинжаломъ... вотъ подошли къ развалинамъ сѣверной башни... стали... пляшутъ на развалинахъ, разрушаютъ уцѣлѣвшіе остатки стѣны... сыплютъ искры на поверженные алтари и кресты, — пламя разгорается и гонитъ столбы дыма передъ собою. Горе вамъ— горе!

Леонардъ. Горе людямъ, которые поклоняются еще умершему Богу.

Мужъ. Черныя волны поворачиваютъ и устремляются къ намъ.

Выкрестъ. О, Аврааме!

Мужъ. Орелъ! мой часъ вѣдь не иасталъ еще?

Выкрестъ. Уже подходятъ къ намъ.

Леонардъ проходя, останавливается. А ты кто, братъ мой, съ задумчивымъ лицомъ? Почему не присоединяешься къ намъ?

Мужъ. Издалека я поспѣшилъ на отголосокъ вашего возстанія. Я — членъ испанскаго клуба убійцъ и прибылъ только сегодня.

Леонардъ. А этотъ другой? Зачѣмъ онъ прячетъ лицо въ складкахъ твоего плаща?

Мужъ. Мой младшій братъ. Далъ обѣтъ не показывать лица людямъ, пока не убьетъ по меньшей мѣрѣ барона.

Леонардъ. Чьей же смертью ты самъ можешь гордиться?

Мужъ. Лишь за два дня до отъѣзда старшіе братья дали мнѣ посвященіе.

Леонардъ. А кого имѣешь на примѣтѣ?

Мужъ. Хотя-бъ тебя, если ты намъ измѣнишь.

Леонардъ вынувъ кинжалъ. Братъ, вотъ мой кинжалъ тебѣ для этой цѣли.

Мужъ вынувъ свой. Братъ, мнѣ достаточно своего для этой цѣли.

Голоса. Да здравствуетъ Леонардъ, да здравствуетъ убійца испанскій!

Леонардъ. Завтра остановись у шатра гражданина-предводителя.

Хоръ жрецовъ. Именемъ свободы привѣтствуемъ гостя. Въ твоей рукѣ доля нашего избавленія. Кто борется безъ устали, кто разитъ безъ колебаній, кто день и ночь вѣритъ въ побѣду — тотъ побѣдитъ подъ конецъ.

Проходитъ.

Хоръ философовъ. Мы родъ людской направляемъ въ путяхъ его отъ колыбели. Мы вывели истину изъ тьмы на свѣтъ. Ты же борись за права ея, губи и погибай.

Проходитъ.

Сынъ философа. Товарищъ! чашу стариннаго священнаго вина пью за твое здоровье, — до свиданья! Бросаетъ чашу.

Дѣвушка. Убей для меня князя Ивана!

Другая. Для меня графа Генриха!

Дѣти. Пожалуйста, — для насъ аристократа!

Другіе. Удачи твоему мечу!

Хоръ художниковъ. На руинахъ готическихъ храмовъ воздвигнемъ иныя святыни: не будетъ иконъ въ нихъ и статуй! Своды воздвигнемъ изъ длинныхъ кинжаловъ, людскія головы сложимъ въ колонны, колонны украсимъ вверху капителью: волосы, съ которыхъ каплетъ кровь; одинъ бѣлый алтарь, одинъ на немъ символъ — шляпа свободы. Ура!

Другіе. Дальше, дальше! ужъ брезжитъ заря.

Выкрестъ. Когда же насъ, наконецъ, повѣсятъ?

Мужъ. Молчи, жидъ! Они стремятся за Леонардомъ и уже не глядятъ на насъ. Послѣдній разъ окидываю взоромъ, ловлю мыслью этотъ хаосъ, вырывающійся изъ глубины временъ, изъ лона тьмы иа гибель мнѣ и моимъ братьямъ. Гонимыя безумнымъ порывомъ, охваченныя отчаяніемъ, мысли мои мчатся во всей своей силѣ. Боже, дай мнѣ ту мощь, въ которой ты никогда не отказывалъ мнѣ, и я въ одномъ словѣ замкну весь этотъ міръ, новый, огромный,—онъ самъ себя ие понимаетъ. Но это слово должно быть поэтическимъ выраженіемъ всего минувшаго.

Голосъ въ воздухѣ. Сочиняешь драму?

Мужъ. Спасибо за напоминаніе!—Месть за поруганный прахъ отцовъ моихъ!—Проклятіе новымъ людямъ!—Водоворотъ ихъ меня восхищаетъ, но не увлечетъ за собою.

А теперь спустимся внизъ и къ оврагу св. Игнатія.

Выкрестъ. Уже свѣтаетъ. Я не пойду дальше.

Мужъ. Выведи меня на дорогу, а тамъ я отпущу тебя.

Выкрестъ. Куда вы тащите меня среди тьмы, развалинъ, кустовъ и пепла? Пустите, оставьте меня.

Мужъ. Впередъ, впередъ, — иди внизъ со мною... Послѣдняя пѣсня замолкаетъ сзади насъ, кое-гдѣ чуть мерцаетъ факелъ. А среди этихъ блѣдныхъ испареній, среди деревьевъ, вырванныхъ съ корнемъ, видишь ли ты тѣни минувшаго, слышишь ли жалобные голоса ихъ?

Выкрестъ. Все гуще мгла, мы спускаемся въ долину.

Хоръ духовъ изъ лѣсу. Плачьте о Христѣ, о Христѣ изгнанномъ, о Христѣ замученномъ. Гдѣ Богъ нашъ, гдѣ храмъ Бога нашего?

Мужъ. Ужъ недалекъ день битвы и меча,— я возвращу Его вамъ. На тысячѣ крестовъ распну враговъ Его.

Духи. Мы хранили алтари и священные памятники; мы несли вѣрующимъ отголоски колоколовъ на крыльяхъ нашихъ, въ звукахъ органовъ звучали голоса наши; въ переливахъ лучей на окнахъ церковныхъ, въ полумракѣ колоннъ, въ блескѣ сосудовъ, въ благословеніи св. Даровъ — была жизнь наша. Куда же мы дѣнемся нынѣ?

Мужъ. Свѣтаетъ все больше;—ихъ образы растопляются въ лучахъ зари...

Выкрестъ. Вотъ дорога ваша, — тамъ начало оврага.

Мужъ. Гей! Христосъ и моя сабля!

Снимая „шляпу свободы“ и заворачивая въ нее деньги:

Возьми на память вещь и символъ вмѣстѣ.

Выкрестъ. Итакъ, вы ручаетесь мнѣ, ваша свѣтлость, за неприкосновенность того, кто сегодня въ полночь...

Мужъ. Старинный дворянинъ не повторяетъ слова дважды. Христосъ и моя сабля!

Голоса въ кустахъ. Марія и сабли наши! Да здравствуетъ господинъ нашъ!

Мужъ. Ко мнѣ! Будь здоровъ, гражданинъ. Ко мнѣ! Христосъ и Марія!

*

Ночь. Кусты и деревья.

Панкратій своей охранѣ. Ложитесь лицомъ въ траву. Лежите молча. Огня не высѣкайте даже для трубки, — и по первому выстрѣлу спѣшите ко мнѣ. Если выстрѣла не послѣдуетъ, не шевелитесь до утра.

Леонардъ. Гражданинъ, еще разъ молю тебя...

Панкратій. Ты прислонись къ этой соснѣ и думай.

Леонардъ. Хоть одного меня возьми съ собою. Вѣдь онъ — дворянинъ, аристократъ, лжецъ.

Панкратій дѣлая ему знакъ остаться. Старинные дворяне иногда сдерживаютъ слово.

*

Продолговатая комната. Изображеніе рыцарей и дамъ по стѣнамъ. Въ глубинѣ колонна съ геральдическимъ щитомъ. МУЖЪ сидитъ за мраморнымъ столомъ, на которомъ лампа, пара пистолетовъ, сабля и часы. Напротивъ— другой столикъ, на немъ серебряные ковши и чаши.

Мужъ. Нѣкогда, въ такой же часъ, среди грозныхъ опасностей и грозныхъ раздумій, Бруту явился геній Цезаря... И я сегодня жду такого же видѣнья. Еще минута — и предо мной будетъ стоять человѣкъ безъ имени, безъ предковъ, безъ ангела-хранителя,—человѣкъ, который вышелъ изъ ничего и теперь быть можетъ, начнетъ собою новую эру, если я не сброшу его назадъ, не возвращу въ ничто.

Предки мои! вдохновите же меня той силой, которая сдѣлала васъ владыками міра; всѣ ваши львиныя сердца вложите въ грудь мою; пусть гордость, украшавшая чела ваши, прольется на мое чело! Вѣра во Христа и Его Церковь, слѣпая, непоколебимая, горячая, — вдохновеніе подвигами вашими на землѣ, жажда безсмертной славы за гробомъ, пусть осѣняетъ меня, и я буду убивать и жечь враговъ, я—сынъ ста поколѣній, послѣдній преемникъ вашихъ мыслей и трудовъ, вашихъ добродѣтелей и заблужденій. Бьетъ двѣнадцать.

Я готовъ! Встаетъ съ мѣста.

Слуга вооруженный входитъ. Ваша свѣтлость,—человѣкъ, который долженъ былъ явиться, пришелъ и ждетъ.

Мужъ. Пусть входитъ! Слуга выходитъ.

Панкратій входитъ. Привѣтъ графу Генриху!—Какъ дико это слово „графъ" звучитъ въ моемъ горлѣ.

Садится, сбрасывая плащъ и „шляпу свободы", и вперяетъ взоръ въ колонну, на которой виситъ гербъ.

Мужъ. Благодарю за довѣріе къ моему дому. По старому обычаю — пью за твое здоровье. Беретъ кубокъ, пьетъ и подноситъ Павкратію.

Гость,—въ твою руку!

Панкратій. Если не ошибаюсь, эти красные и голубые символы зовутся гербами на языкѣ умершихъ. Все меньше и меньше этихъ значковъ по землѣ!

Мужъ. Съ помощью Божіей, скоро ты увидишь ихъ тысячи.

Панкратій отнимая кубокъ отъ устъ. Вотъ она старинная аристократія! Всегда увѣренная въ побѣдѣ, спесивая, упрямая, цвѣтущая надеждой, а сама безъ денегъ, безъ оружія, безъ войска. Грозитъ, какъ мертвецъ гробовщику у воротъ кладбища - въ сказкѣ,—вѣритъ, или притворяется, что вѣритъ, въ Бога, потому что въ себя ужъ трудно вѣрить. Покажите же мнѣ эти молніи, ниспосланныя въ защиту вамъ, эти легіоны ангеловъ, слетѣвшихъ съ неба! Пьетъ.

Мужъ. Смѣйся надъ собственными сло-

вами! Атеизмъ—устарѣвшая формула; ждалъ чего-нибудь поновѣе отъ тебя.

Панкратій. Смѣйся надъ собственными словами! Моя вѣра сильнѣе и выше твоей. Стонъ, вырванный муками и отчаяніемъ изъ тысячи тысячъ грудей, голодъ ремесленниковъ, нищета крестьянъ, позоръ ихъ женъ и дочерей, униженіе человѣчества подъ ярмомъ суевѣрій, сомнѣній, стадныхъ привычекъ, — вотъ моя вѣра, а Богъ мой на сегодня — это мысль моя, это мощь моя, что дастъ имъ и хлѣбъ, и честь навсегда. Пьетъ и бросаетъ кубокъ.

Мужъ. Я полагаю силу мою въ Богѣ, Который предкамъ моимъ далъ господство на землѣ.

Панкратій. А самъ всю жизнь былъ игрушкою дьявола! Но оставимъ этотъ вопросъ: пусть рѣшаютъ его богословы, если еще хоть одинъ изъ мастеровъ этого дѣла остался живъ въ здѣшнихъ краяхъ,—къ дѣлу!

Мужъ. Чего же ты хочешь отъ меня, избавитель людей, гражданинъ божій?

Панкратій. Я пришелъ сюда потому, что хотѣлъ во-первыхъ узнать тебя, а во-вторыхъ—спасти.

Мужъ. За первое спасибо, второе предоставь моей саблѣ.

Панкратій. Сабля твоя, Богъ твой — мечта. Ты заглушенъ тысячами голосовъ, ты охваченъ тысячами рукъ,—нѣсколько морговъ земли осталось за вами, и ея едва хватитъ для могилъ вашихъ, — двадцати дней вы не

выдержите осады. — Гдѣ у васъ пушки, снаряды, провіантъ, а главное — гдѣ мужество? Будь я на твоемъ мѣстѣ, я зналъ бы что дѣлать.

Мужъ. Слушаю: я терпѣливъ.

Панкратій. Такъ вотъ я, графъ Генрихъ, сказалъ бы Панкратію: „миръ! — я распускаю свой отрядъ, единственный отрядъ; не иду на выручку св. Троицы, но за то остаюсь при своемъ имени, при своемъ имѣніи, за цѣлость которыхъ ты мнѣ ручаешься своимъ словомъ“.—Ты сколько лѣтъ прожилъ, графъ?

Мужъ. Тридцать шесть, гражданинъ.

Панкратій. Остается пятнадцать, не болѣе: такіе люди не живутъ долго. Сынъ твой ближе къ могилѣ, чѣмъ къ юности. Одно исключеніе не испортитъ нашего дѣла. Оставайся себѣ послѣднимъ графомъ на этихъ равнинахъ, будь господиномъ въ домѣ прадѣдовъ, малюй ихъ портреты и гербы, а объ этихъ несчастныхъ не думай болѣе: пусть судъ народа свершится надъ ничтожными! Наливаетъ другой бокалъ. Твое здоровье, послѣдній графъ!

Мужъ. Ты оскорбляешь меня каждымъ словомъ, точно пытаешь, можно ли будетъ обратить меня въ раба въ день твоего тріумфа. Перестань, потому что я не могу заплатить тебѣ: тебя охраняетъ мое слово.

Панкратій. Святое понятіе чести, рыцарской чести, выступаетъ на сцену. Выцвѣтшій это лоскутъ въ знамени человѣчества. О, знаю

я тебя, проникъ всего насквозь! Ты полонъ жизни, а идешь объ руку съ умирающими, потому что хочешь еще вѣрить въ касту, въ прадѣдовскую кость, въ слово „отчизна“ и прочія, а въ глубинѣ души ты сознаешь, что братьямъ твоимъ должна быть суждена кара, а затѣмъ—забвеніе.

Мужъ. А тебѣ и твоимъ что-иное?

Панкратій. Побѣда и жизнь. Въ одну только истину вѣрю и предъ ней преклоняюсь. Эта истина, въ силу которой жизнь міра достигаетъ высшихъ предѣловъ,—въ гибели вашей. Нынѣ она гласитъ моими устами: „Дряхлые, источенные червями, пресыщенные питьемъ и ѣдой, — дайте мѣсто молодымъ, голоднымъ и сильнымъ!“ — Но я хочу спасти тебя, тебя одного.

Мужъ. Гибель зову на голову твою за эту жалость ко мнѣ! — И я знаю твоихъ и тебя: глядѣлъ въ тѣняхъ ночи на пляски сброда, по выямъ котораго ты карабкаешься вверхъ; всѣ старыя, какъ міръ, смуты міра видѣлъ одѣтыми въ новыя одежды, кружащимися въ новомъ танцѣ, — но корень ихъ тотъ же, что тысячи лѣтъ назадъ,—развратъ, злоба, жажда крови. А тебя не было съ ними, ты не захотѣлъ сойти къ дѣтямъ своимъ, потому что въ глубинѣ души ты презираешь ихъ и,—подожди немного, — если разумъ не оставитъ тебя совсѣмъ, себя самого презирать будешь. Не терзай меня болѣе. Садится подъ гербомъ своимъ.

Панкратій. Народъ мой еще не распра-

вилъ крылья, — согласенъ, — не выросъ еще въ гиганта, еще жаждетъ хлѣба и выгодъ, но придетъ время... Подходитъ къ Мужу и опирается о колонну съ гербомъ. Придетъ время, когда онъ пойметъ себя и скажетъ о себѣ: „я существую!“— и тогда не будетъ другого голоса въ мірѣ, что могъ бы также сказать: „я существую!“

Мужъ. А дальше?

Панкратій. Изъ поколѣнія, которое воспитываю я, силой воли моей народится племя послѣднее, высшее, дальнѣйшее. Земля не видала мужей такихъ. Они будутъ вольные люди, владыки ея отъ полюса до полюса, а земля— она станетъ одинъ цвѣтущій садъ, одинъ счастливый очагъ, одна мастерская богатствъ и промысла.

Мужъ. Слова твои лгутъ, но спокойное блѣдное лицо твое не умѣетъ изобразить вдохновеніе.

Панкратій. Не прерывай... многіе на колѣняхъ просили у меня этихъ словъ, и для нихъ я жалѣлъ ихъ. — Тогда воскреснетъ Богъ, которому уже не будетъ смерти, Богъ трудомъ и страданіемъ освобожденный отъ завѣсъ, открытый въ небѣ дѣтьми Его, которыхъ нѣкогда Онъ разбросалъ по землѣ, но которые прозрѣли и добыли Истину. — Богъ человѣческаго открылся имъ.

Мужъ. Намъ ужъ давно онъ открылся: человѣчество спасено имъ много вѣковъ назадъ.

Панкратій. Утѣшай себя, кто можетъ, такимъ спасеніемъ, — страданіями двухъ ты-

сячелѣтій, протекшихъ отъ Его смерти на крестѣ.

Мужъ. Я видѣлъ этотъ крестъ въ старомъ Римѣ, соблазнитель. У ногъ Его лежали массы силъ, мощнѣйшихъ, чѣмъ твои; сотни боговъ, подобныхъ твоему, валялись въ пыли, не смѣя поднять къ Нему своихъ разбитыхъ главъ, а Онъ стоялъ высоко надъ ними, святыя руки простирая къ востоку и западу, святое чело купая въ солнечныхъ лучахъ. Видно было, что Онъ—Владыка міра.

Панкратій. Сказка старая и пустая, какъ звукъ твоего герба! Ударяетъ въ щитъ.

Но когда-то я читалъ твои мысли! Такъ, если ты дѣйствительно умѣешь уноситься въ безпредѣльность, если любишь истину и искалъ ее серьезно, если ты человѣкъ изъ тѣхъ, какихъ отмѣчаетъ человѣчество, а не на подобіе нянькиныхъ сказокъ,—слушай, не отбрасывай эту минуту спасенія; отъ крови, которую мы прольемъ сегодня, завтра не останется слѣда, — послѣдній разъ говорю тебѣ: если ты тотъ, какимъ казался мнѣ,—встань, оставь домъ свой и иди за мною.

Мужъ. Ты—младшій братъ сатаны. Встаетъ и ходитъ медленно вдоль комнаты. Напрасныя мечты, кто осуществитъ ихъ! Адамъ умеръ въ пустынѣ, мы не вернемся въ рай.

Панкратій. въ сторону. Я запустилъ ему палецъ подъ сердце и попалъ въ нервъ поэзіи.

Мужъ. Прогрессъ! счастіе человѣчества!—да, и я вѣрилъ когда-то... Вотъ вамъ, берите

жизнь мою, если только... Но, свершилось!— Сто, двѣсти лѣтъ назадъ полюбовное соглашеніе могло бы еще... но теперь,—знаю—теперь мы должны взаимно уничтожать другъ друга: дѣло идетъ о смѣнѣ расы.

Панкратій. Горе побѣжденнымъ! — Отбрось сомнѣнія, повтори лишь это слово „горе!“ и побѣждай съ нами.

Мужъ. Что же, ты изслѣдовалъ всѣ пути. Предопредѣленія, или подъ видимой формой ночью предстало оно тебѣ на порогѣ твоей палатки и благословило тебя своей гигантской рукою? Или при свѣтѣ солнца ты слышалъ голоса его въ полдень, когда всѣ спали въ зноѣ, а ты размышлялъ въ одиночествѣ, что такъ увѣренно грозишь мнѣ побѣдой? — ты, человѣкъ изъ глины, какъ и я, невольникъ первой мѣткой пули, перваго ловкаго удара мечемъ?

Панкратій. Не ласкай себя тщетной надеждой: не царапнетъ меня пуля, не коснется желѣзо, пока хоть одинъ изъ васъ сопротивляется моему дѣлу; а что будетъ послѣ,— вамъ уже не будетъ до этого дѣла. Бьютъ часы. Время смѣется надъ нами! Если ты усталъ жить, спаси хоть сына.

Мужъ. Его чистая душа уже спасена въ небѣ, а на землѣ его ждетъ участь отца.

Стоитъ, закрывъ лицо руками.

Панкратій, Итакъ, ты отклонилъ? Молчаніе. Молчишь?—думаешь?—прекрасно! — пусть же раздумываетъ тотъ, кто стоитъ на краю могилы!

Мужъ. Не смѣй касаться тайнъ, которыя за предѣлами твоихъ мыслей нынѣ свершаются въ глубинѣ души моей. Міръ тѣла принадлежитъ тебѣ,—утучняй же его пищей, питай виномъ и кровью, но не иди далѣе и прочь, прочь отъ меня!

Панкратій. Рабъ одной идеи и ея образовъ, рыцарь-поэтъ, стыдися! Гляди на меня: идеи и образы—воскъ въ моихъ пальцахъ!

Мужъ. Напрасно!—Ты никогда не поймешь меня, — потому что каждый изъ предковъ твоихъ былъ сброшенъ въ яму за одно со всякимъ сбродомъ, какъ мертвая вещь, а не какъ человѣкъ мощи и духа.

Протягиваетъ руку къ картинамъ.

Взгляни на эти образы! Идея отечества, дома, родины, враждебная тебѣ идея, морщинами написана на ихъ челахъ, а что жило въ нихъ и прошло, то нынѣ живетъ во мнѣ. А ты, человѣкъ, скажи мнѣ, гдѣ земля твоя. Вечеромъ ты разбиваешь палатку на развалинахъ чужого дома, съ разсвѣтомъ свертываешь ее и передвигаешься дальше,—донынѣ не нашелъ своего очага,—и не найдешь его, пока хоть сотня людей захочетъ повторить со мною „слава предкамъ нашимъ!“

Панкратій. Да, слава предкамъ твоимъ на землѣ и на небѣ! Въ самомъ дѣлѣ, есть на что посмотрѣть. Этотъ, съ печатью въ рукѣ и съ подписью — канцлеръ, — поддѣлывалъ акты, сжегъ архивъ, подкупалъ судей, при помощи отравы ускорялъ полученіе наслѣдствъ.

Отсюда твои земли, доходы, власть. — Тотъ, черноватый съ блестящимъ взоромъ, позорилъ ложа друзей своихъ. Этотъ, въ итальянской кольчугѣ, съ орденомъ Золотого Руна, очевидно, служилъ чужеземцамъ. Эта блѣдная дама, съ темными буклями, замарала честь свою со слугою. Та читаетъ письмо любовника и улыбается, потому что ночь ужъ близка. Та, съ собачкой у шлейфа, въ робронѣ, была наложницей королей. Отсюда ваши родословныя безъ перерыва, безъ пятна! Нравится мнѣ и этотъ въ зеленомъ кафтанѣ: пьянствовалъ и охотился съ пріятелями — шляхтой, а мужиковъ разсылалъ съ собаками загонять оленей. Глупая забава, бѣдствіе цѣлой страны. И это-то умъ и сила ваша! Но день суда близокъ, и въ этотъ денъ обѣщаю вамъ не забыть ни объ одномъ изъ васъ, ни объ одномъ изъ предковъ вашихъ, ни объ одномъ изъ подвиговъ вашихъ.

Мужъ. Ты ошибаешьси, сынъ мѣщанки! Ни ты, и никто изъ твоихъ не могъ бы существовать, еслибы васъ не вскормила милость, не защитила сила моихъ предковъ. Во время голода они раздавали вамъ хлѣбъ, во время заразы ставили лазареты; а когда изъ состоянія звѣринаго вы перешли въ младенческій возрастъ людей, они построили вамъ церкви и школы. Только во время войны оставляли васъ дома, такъ какъ знали, что вы не для боя. Слова твои ломаются о ихъ подвиги, какъ нѣкогда языческія стрѣлы ломились объ ихъ панцыри, — они даже не потре-

вожатъ ихъ праха, они заглохнутъ, какъ завываніе деревенской собаки, что бѣжитъ съ пѣной у рта и издыхаетъ гдѣ-нибудь при дорогѣ. А теперь—время уйти тебѣ изъ моего дома. Гость мой, я отпускаю тебя.

Панкратій. До свиданія на окопахъ св. Троицы! А когда у васъ не хватитъ пороху и снарядовъ...

Мужъ. Тогда сблизимся на длину сабель нашихъ. До свиданья.

Панкратій. Мы оба орлы, но гнѣздо твое разбито грозою. Беретъ плащъ и „шляпу свободы".

Переходя порогъ этотъ, бросаю на немъ проклятіе, надлежащее старому. Тебя и сына твоего обрекаю на уничтоженіе.

Мужъ. Гей, Яковъ! Яковъ входитъ. Проводить этого человѣка до послѣднихъ постовъ моихъ на пригоркѣ.

Яковъ. Благослови, Господи! Выходитъ.

IV.

Отъ башенъ св. Троицы до вершинъ окружныхъ скалъ справа и слѣва, и спереди и съ тыла легла бѣлоснѣжная мгла, блѣдная, непоколебимая, молчащая,—призракъ океана, который нѣкогда имѣлъ берега свои тамъ, гдѣ эти высоты, черныя, порванныя, острыя, а глубины свои, гдѣ долина, которой еще не видно, гдѣ солнце, которое еще не взошло.

На гранитномъ голомъ островѣ высятся башни замка, вбитыя въ скалы трудами прежнихъ людей и сросшіяся со скалою, какъ человѣческая грудь съ грудью коня у центавра. Надъ ними вздымается штандартъ, одиноко вѣетъ въ сѣроватомъ небѣ выше всего, что вокругъ.

Постепенно начинаютъ пробуждаться спящія пространства, вверху проносится шумъ вѣтра, снизу протискиваются первые лучи, льдина изъ тучъ проплываютъ по этому морю тумановъ.

Тогда иные голоса, голоса людскіе, примѣшиваются къ этой преходящей бурѣ и, несо-

мые волнами мглы, разбиваются у подножія замка.

Ужъ прояснилась бездна подъ прозрачной гладью, что разорвалась надъ нею.

Черно тамъ, въ глубинѣ ея, черно отъ людскихъ головъ,—вся долина усѣяна людскими головами, какъ дно моря камнями.

Солнце съ холмовъ поднимается на скалы, въ золотѣ уносятся, въ золотѣ расплываются тучи, и, по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ онѣ, все явственнѣе слышны крики, все яснѣе можно разглядѣть полчища, наплывающія снизу.

Выше горъ поднялись туманы и вотъ ужъ умираютъ въ пустотахъ синевы. Долина св. Троицы обсыпана блескомъ мигающей стали и народъ отовсюду тянетъ въ нее, словно въ долину послѣдняго Суда.

Соборъ въ замкѣ св. Троицы. Аристократія, сенаторы, сановники сидятъ по обѣ стороны, каждый подъ статуей какого-нибудь короля или рыцаря. За рядомъ статуй, толпы мелкаго дворянства. Передъ большимъ алтаремъ АРХІЕПИСКОПЪ на золоченомъ тронѣ съ мечемъ на колѣняхъ. За алтаремъ ХОРЪ СВЯЩЕННИКОВЪ. МУЖЪ стоитъ нѣкоторое время въ дверяхъ, затѣмъ медленно приближается къ архіепископу со знаменемъ въ рукѣ.

ХОРЪ СВЯЩЕННИКОВЪ. Мы, послѣдніе слуги Твои, въ послѣднемъ храмѣ Сына Твоего славословимъ Тебя съ благоговѣніемъ отцовъ нашихъ. Избави отъ враговъ насъ, Господи!

1-й ГРАФЪ. Смотри, какъ гордо глядитъ на всѣхъ.

2-й ГРАФЪ. Словно завоевалъ весь міръ.

3-й ГРАФЪ. А подвигъ весь въ томъ, что, благодаря ночи, пробился черезъ лагерь мужиковъ.

1-й ГРАФЪ. Перебилъ сто человѣкъ, а двѣсти своихъ положилъ на мѣстѣ.

2-й ГРАФЪ. Не допустимъ выбрать его предводителемъ.

МУЖЪ опускаясь на колѣни передъ архіепископомъ. У ногъ твоихъ слагаю трофей мой.

Архіепископъ. Опояшь себя этимъ мечемъ, нѣкогда благословеннымъ десницею св. Флоріана...

Голоса. Да здравствуетъ графъ Генрихъ, да здравствуетъ!

Архіепископъ. И прими съ благословеніемъ св. Креста начальствованіе въ этомъ замкѣ, послѣднемъ владѣніи нашемъ,—волею всѣхъ именую тебя предводителемъ.

Голоса. Да здравствуетъ, да здравствуетъ!

Одинъ голосъ. Не позволяю!

Голоса. Вонъ его! вонъ отсюда!—да здравствуетъ Генрихъ!

Мужъ. Если кто имѣетъ въ чемъ упрекнуть меня, пусть выйдетъ, не кроется въ толпѣ. Молчаніе. Отче, принимаю мечъ этотъ и пусть Богъ судитъ мнѣ скорую, преждевременную смерть, если съ его помощью не буду въ силахъ спасти васъ.

Хоръ священниковъ. Подаждь ему силу, подаждь ему Духа Твоего Святаго, Господи! Избавн отъ враговъ насъ, Господи!

Мужъ. Теперь клянитесь всѣ, что вы хотите защищать вѣру и честь предковъ вашихъ, что голодъ и жажда доведутъ васъ до смерти, но не до позора, не до сдачи, не до уступкн хоть одного нзъ правъ Бога вашего, илн вашихъ.

Голоса. Клянемся!

Архіепископъ опускается на колѣни и поднимаетъ крестъ. Всѣ опускаются на колѣни.

Хоръ священниковъ. Клятвопреступникъ гнѣвомъ Твоимъ пораженъ да будетъ! — Трусъ гнѣвомъ Твоимъ пораженъ да будетъ! — Измѣнившій гнѣвомъ Твоимъ пораженъ да будетъ!

Голоса. Клянемся!

Мужъ извлекая мечъ. Теперь я обѣщаю вамъ славу, у Бога вымолите побѣду. Окруженный толпою выходитъ.

*

Одинъ изъ дворцовъ въ замкѣ св. Троицы.
МУЖЪ, ГРАФЫ, КНЯЗЬЯ, ДВОРЯНЕ.

Графъ отводя мужа въ сторону. Что жъ, — все погибло?

Мужъ. Не все, — развѣ только у васъ не хватитъ силы духа въ послѣднюю минуту.

Графъ. Какъ въ послѣднюю?

Мужъ. Когда умирать надо!

Баронъ отводя его въ другую сторону. Графъ! Вы, кажется, имѣли свиданіе съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ... Способенъ ли онъ сколько-нибудь на великодушіе къ намъ, когда мы попадемъ въ его руки?

Мужъ. Сказать правду, изъ предковъ твоихъ никто не слыхалъ о такомъ великодушіи: называется плахой.

Баронъ. Значитъ надо защищаться до крайности. Отходитъ.

Мужъ. Что вы говорите, князь?

Князь. Два слова по секрету! Отходятъ. Все это прекрасно для черни, но между нами — явное дѣло: мы устоять не можемъ.

Мужъ. Что жъ остается?

Князь. Вы избраны вождемъ нашимъ: значитъ, вамъ и слѣдуетъ вступить въ переговоры.

Мужъ. Тише, тише!

Князь. Но почему же?

Мужъ. Потому что, ваше сіятельство, вы уже заслужили смерть. Оборачиваясь къ толпѣ. Кто помянетъ о сдачѣ, будетъ наказанъ смертью.

Баронъ, графъ и князь вмѣстѣ. Кто помянетъ о сдачѣ будетъ наказанъ смертью.

Всѣ. Смертью, смертью! Ура! Выходятъ,

*

Площадка на вершинѣ. МУЖЪ и ЯКОВЪ.

Мужъ. Гдѣ сынъ мой?

Яковъ. Въ сѣверной башнѣ, усѣлся на порогѣ старой темницы и поетъ пророчества.

Мужъ. Какъ можно сильнѣе укрѣпи бастіонъ Элеоноры; самъ не уходи оттуда и то-и-дѣло смотри въ трубу на лагерь бунтовщиковъ.

Яковъ. Не лишне бы, благослови Господи, раздать нашимъ по чаркѣ водки для поощренія.

Мужъ. Если находишь нужнымъ, прикажи открыть даже погреба графовъ и князей нашихъ. Яковъ уходитъ.

Поднимается на нѣсколько ступеней выше, подъ самый флагъ.

Всей силой моихъ глазъ, всей ненавистью сердца обнимаю васъ, враги! Теперь уже не пустыми словами, не безсильнымъ вдохновеніемъ буду бороться съ вами, но силой желѣза и тѣхъ людей, которые подчинились мнѣ.

Какъ хорошо здѣсь чувствовать себя господиномъ, быть владыкой,—хоть съ ложа смерти озирать чужія воли, собранныя вокругъ тебя, и васъ, враговъ моихъ, копошащихся тамъ въ пропасти, кричащихъ мнѣ изъ глубины ея, подобно утопающимъ, когда они взываютъ къ небу.

Еще не много дней и, можетъ быть, ни меня, ни всѣхъ этихъ несчастныхъ, которые забыли о своихъ великихъ предкахъ, не станетъ,—но, будь что будетъ, — нѣсколько дней остается: воспользуюсь, какъ хочу, ихъ блаженствомъ, буду властвовать, буду бороться, буду жить. Въ этомъ моя послѣдняя пѣсня.

Надъ скалами опускается солнце въ длинномъ черномъ саванѣ облаковъ. Лучистая кровь отовсюду льется въ долину. Вѣщіе признаки моей гибели, привѣтствую васъ сердцемъ болѣе искреннимъ и полнымъ, чѣмъ когда-либо раньше привѣтствовалъ я вѣстниковъ радости, веселія и любви.

Потому что не цѣною жалкаго труда, не цѣною хитростей и козней достигъ я предѣла моихъ желаній, но внезапно, вдругъ, какъ и мечталъ всегда.

И вотъ я здѣсь, на рубежѣ вѣчнаго сна, стою вождемъ всѣхъ этихъ, которые вчера еще мнѣ были равны.

*

Комната въ замкѣ, освѣщенная факеломъ. ОРЦІО сидитъ на кровати. МУЖЪ входитъ и, снимая оружіе, кладетъ его на столъ.

Мужъ. Сто человѣкъ поставить на окопахъ, остальные пусть отдыхаютъ послѣ такого долгаго боя.

Голоса за дверью. Благослови, Господи!

Мужъ. Ты, конечно, слышалъ выстрѣлы, отголоски нашей вылазки? — Не бойся, дитя мое, мы еще не погибнемъ ни сегодня, ни завтра.

Орціо. Да, слышалъ. Но это не коснулось моего сердца: звукъ пролетѣлъ,— и нѣтъ его болѣе. Что-то другое заставляетъ меня дрожать, отецъ.

Мужъ. Ты за меня боялся?

Орціо. Нѣтъ,—знаю, что твой часъ не пришелъ еще.

Мужъ. Мы одни: на сегодня съ груди моей спалъ камень, — тамъ, въ долинѣ, валяются трупы убитыхъ враговъ; — повѣдай мнѣ всѣ твои думы. Я буду слушать ихъ, какъ бывало слушалъ у насъ, дома.

Орціо. За мной, за мной, отецъ! Тамъ каж-

дую ночь свершается Страшный Судъ. Идетъ къ двери, скрытой въ стѣнѣ, и отворяетъ ее.

Мужъ. Куда идешь ты? Кто показалъ тебѣ этотъ ходъ? Тамъ вѣчнотемные погреба, тамъ гніютъ кости давнишнихъ жертвъ.

Орціо. Гдѣ твой обыкновенный взоръ не видитъ солнца, тамъ умѣетъ ступать духъ мой. — Темнота, иди въ темноту! Сходитъ внизъ.

*

Подземелье. Поломанныя желѣзныя рѣшетки, оковы, орудія пытки валяются по землѣ. МУЖЪ съ факеломъ у подножія каменной глыбы, на которой стоитъ ОРЦІО.

Мужъ. Сойди, умоляю тебя, сойди внизъ.

Орціо. Или не слышишь голосовъ ихъ, не видишь ихъ образовъ?

Мужъ. Молчаніе могилъ,—а свѣтъ факела освѣщаетъ лишь на нѣсколько шаговъ вокругъ насъ.

Орціо. Все ближе, все яснѣе: идутъ изъ-подъ тѣсныхъ сводовъ, одинъ за другимъ, и тамъ садятся въ глубинѣ.

Мужъ. Въ твоемъ безуміи моя гибель. Ты безумствуешь, дитя, и уничтожаешь тѣмъ мои силы, когда онѣ мнѣ такъ нужны.

Орціо. Вижу духомъ ихъ блѣдные образы, строгіе, что собрались на страшный судъ. Обвиненный уже приближается и плыветъ, какъ туманъ.

Хоръ голосовъ. Властью, данной намъ за наши муки, мы, тѣ, которыхъ нѣкогда сковали, пытали, мучили, терзали желѣзомъ, кормили ядомъ, засыпáли пескомъ и каменьемъ, мы, давайте судить, пытать, осуждать, а дьяволъ возьмется за казнь.

Мужъ. Что видишь?

Орціо. Обвиненный... обвиненный... вотъ онъ заломилъ руки.

Мужъ. Но кто же онъ?

Орціо. Отче, отче!

Одинъ голосъ. Тобою кончится проклятый родъ; въ тебѣ послѣднемъ собралъ онъ всѣ свои силы, весь пылъ свой, всю гордость, чтобъ погибнуть.

Хоръ голосовъ. За то, что ты ничего не любилъ, ничего не чтилъ, кромѣ себя и грезъ своихъ, ты осужденъ, ты осужденъ на вѣки.

Мужъ. Ничего не могу разглядѣть, но слышу отовсюду, изъ-подъ земли, и сверху, и съ боковъ стоны и жалобы, упреки и угрозы.

Орціо. Теперь онъ поднялъ голову, отецъ, какъ ты, когда бываешь въ гнѣвѣ, и отвѣтилъ гордымъ словомъ, какъ ты, когда презираешь.

Хоръ голосовъ. Напрасно, напрасно! Нѣтъ ему спасенья ни на землѣ, ни на небѣ.

Одинъ голосъ. Еще нѣсколько дней земной славы, преходящей, — которой меня и братьевъ моихъ лишили твои прадѣды, а потомъ ты сгинешь, и сгинутъ твои братья,— и погребеніе ваше будетъ безъ жалобнаго звона,

безъ слезъ друзей и родныхъ, какимъ было наше когда-то на этой же скалѣ горя.

Мужъ. Я знаю васъ, низкіе духи, блуждающіе огоньки, летающіе средь сонмовъ ангеловъ! Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Орціо. Отецъ, не уходи въ глубь—отецъ заклинаю тебя именемъ Христа!

Мужъ возвращаясь. Скажи, скажи, кого ты видишь.

Орціо. Это образъ...

Мужъ. Чей?

Орціо. Это другой ты, блѣдный, въ оковахъ; они теперь мучаютъ тебя, слышу стоны твои... Падаетъ на колѣни. Прости мнѣ, отецъ! Мать среди ночи пришла и приказала... Падаетъ въ обморокъ.

Мужъ подхватывая его. Еще только этого не доставало! Ха! Родное дитя приводитъ меня на порогъ ада. Марія! Неумолимый духъ! Боже и Ты, другая Марія, Которой я столько молился!...

Тамъ начинается безконечность мрака и мученій... назадъ! — я долженъ еще бороться съ людьми, а потомъ вѣчная борьба. Убѣгаетъ съ сыномъ.

Хоръ голосовъ въ отдаленіи. За то, что ты ничего не любилъ, ничего не чтилъ, кромѣ себя и грезъ своихъ, ты осужденъ, ты осужденъ навѣки.

*

Зала въ замкѣ св. Троицы. МУЖЪ. ЖЕНЩИНЫ, ДѢТИ, нѣсколько старцовъ и графовъ на колѣняхъ передъ нимъ. ОТЕЦЪ-КРЕСТНЫЙ стоитъ посреди зала. Толпа въ глубинѣ. По стѣнамъ развѣшено оружіе; готическія колоны, украшенія, окна.

Мужъ. Нѣтъ!—во имя моего сына, во имя покойной жены моей: нѣтъ!—еще разъ повторяю—нѣтъ!

Голоса женщинъ. Сжалься! — голодъ жжетъ внутренности наши и дѣтей нашихъ,—днемъ и ночью гложетъ насъ ужасъ.

Голоса мужчинъ. Еще есть время; выслушай посла, не отсылай посла.

Крестный отецъ. Вся жизнь моя была жизнью гражданина, и не мнѣ обращать вниманіе на упреки твои, Генрихъ. Если я взялъ на себя роль посла, которую сейчасъ исполняю, то лишь потому, что знаю вѣкъ нашъ и умѣю понять его значеніе: Панкратій — это представитель гражданственности, если такъ можно выразиться.

Мужъ. Прочь съ глазъ моихъ! Въ сторонѣ Якову. Введи отрядъ нашихъ.

Яковъ выходитъ. Женщины поднимаются, продолжая плакать. Мужчины отдаляются на нѣсколько шаговъ.

Баронъ. Ты губишь насъ, графъ.

Другой. Мы отказываемся тебѣ повиноваться.

Третій. Безъ тебя переговоримъ съ этимъ почтеннымъ гражданиномъ объ условіяхъ сдачи.

Крестный отецъ. Великій мужъ, который прислалъ меня, обѣщаетъ вамъ жизнь, если вы примкнете къ нему, понявъ смыслъ нашего времени.

Нѣсколько голосовъ. Понимаемъ, понимаемъ!

Мужъ. Когда вы избрали меня вождемъ, я поклялся погибнуть на этихъ стѣнахъ. Я сдержу слово, и вы всѣ погибнете со мною.

Ха! вамъ хочется жить еще!

Ха! такъ спросите у предковъ вашихъ, зачѣмъ они притѣсняли и властвовали.

Къ графу. Зачѣмъ ты давилъ свой народъ?

Къ другому. Ты зачѣмъ растратилъ молодость за картами, да въ дальнихъ странствованіяхъ, забывъ про родину?

Еще къ одному. А ты—подличалъ передъ высшими и презиралъ низшихъ?

Къ одной изъ женщинъ. Ты почему въ дѣтяхъ не воспитала себѣ защитниковъ-рыцарей?—Пригодились бы сегодня.—Нѣтъ, ты любила жидовъ, адвокатовъ! Проси же ихъ теперь за жизнь твою. Останавливается и протягиваетъ руки къ толпѣ.

Звчѣмъ вы такъ спѣшите на позоръ?—Что побуждаетъ васъ оподлить свои послѣднія минуты?—Впередъ лучше, дворяне, за мной, впередъ,—туда, гдѣ пули и штыки, а не туда

гдѣ висѣлица, гдѣ молчаливый палачъ съ веревкой въ рукахъ, предназначенной вамъ на шею,

Нѣсколько голосовъ. Хорошо говорить,—въ штыки!

Другіе голоса. Куска хлѣба ужъ нѣтъ.

Голоса женщинъ. Дѣти наши, дѣти ваши!

Многіе голоса. Надо сдаться! условія! условія!

Крестный отецъ. Обѣщаю вамъ невредимость, такъ сказать, неприкосновенность личности и тѣла.

Мужъ подходя къ Отцу-крестному, схватываетъ его за грудь. Священная особа посла, — иди укрыть свою сѣдую голову подъ шатрами выкрестовъ и портныхъ, чтобы я не замаралъ ее твоей собственной кровью. Входитъ отрядъ солдатъ съ Яковомъ.

Возьмите себѣ цѣлью этотъ лобъ, изрѣзанный морщинами ничтожной науки, эту „шляпу свободы", что дрожитъ отъ дыханія словъ моихъ на этой головѣ безъ мозгу.

Отецъ крестный незамѣтно выскользаетъ.

Всѣ вмѣстѣ. Связать его,—выдать Панкратію!

Мужъ. Минуту еще, господа! Переходитъ отъ одного солдата къ другому. Съ тобою, кажется, взбирался я на горы за дикимъ вепремъ,—помнишь, я вырвалъ тебя изъ пропасти?

Другимъ: Съ вами я потерпѣлъ крушеніе у

дунайскихъ скалъ. Іеронимъ, Христофоръ, вы были со мною на Черномъ морѣ...

Другимъ. Вамъ я вновь отстроилъ погорѣвшія избы.

Другимъ. Вы убѣжали ко мнѣ отъ злого господина. Что же, говорите,—теперь пойдете вы за мною, или оставите меня одного, смѣясь, что среди столькихъ людей я не нашелъ ни одного человѣка?

Всѣ. Да здравствуетъ графъ Генрихъ, да здравствуетъ!

Мужъ. Раздать имъ остатки мяса и водки, а потомъ на стѣны.

Всѣ солдаты. Водки, мяса, а потомъ на стѣны!

Мужъ. Иди съ ними, а черезъ часъ будь готовъ къ бою.

Яковъ. Благослови Господи!

Женщины. Проклинаемъ тебя за дѣтей нашихъ!

Другіе голоса. За отцовъ нашихъ!

Еще голоса. За женъ нашихъ!

Мужъ. А я васъ за подлость вашу!

*

Окопы св. Троицы. Трупы, подбитыя пушки, оружіе разбросаны по землѣ. Здѣсь и тамъ бѣгутъ солдаты. МУЖЪ у окопа. ЯКОВЪ при немъ.

Мужъ вкладывая саблю въ ножны. Нѣтъ выше наслажденія, какъ вести опасную игру и всегда

срывать,—а когда придетъ время проиграть, то проиграть лишь разъ.

Яковъ. Осыпанные послѣдними нашими залпами, они отступили, но тамъ внизу ужъ собираются снова и видно, скоро повторятъ нападенье. Да, все напрасно: какъ свѣтъ стоитъ, никто не избѣгалъ опредѣленій судьбы.

Мужъ. Что, больше нѣтъ картечи?

Яковъ. Ни пуль, ни ядеръ, ни пороху — всему конецъ бываетъ.

Мужъ. Такъ приведи ко мнѣ сына,—хочу еще разъ обнять его. Яковъ уходитъ.

Дымъ битвы застилаетъ мнѣ глаза — кажется, мнѣ, будто долина то поднимается, то опускается снова, — скалы ломятся въ сотни кусковъ и скрещиваются другъ съ другомъ. Такимъ же удивительнымъ порядкомъ сплетаются мои мысли. Садится на стѣнѣ.

Быть человѣкомъ—не стоитъ, ангеломъ — не стоитъ. Первый изъ архангеловъ, спустя нѣсколько вѣковъ бытія, словно мы, спустя нѣсколько лѣтъ жизни, почувствовалъ скуку въ сердцѣ своемъ и взалкалъ бо́льшей силы. Надо быть богомъ или—ничтожествомъ. Яковъ приводитъ Орціо.

Возьми нѣсколько человѣкъ солдатъ, обойди всѣ залы и гони на стѣны всѣхъ, кого ни встрѣтишь.

Яковъ. Банкировъ, графовъ, князей? Уходитъ.

Мужъ. Подойди ко мнѣ, сынъ мой,—дай

руку сюда, въ мою руку,—приблизь лобъ твой къ губамъ моимъ — лобъ твоей матери былъ такой же бѣлый, нѣжный когда-то.

Орціо. Слышалъ голосъ ея сегодня предъ тѣмъ, какъ твои бросились къ оружію. Ея слова плыли легко, какъ ароматы, и она говорила: „Сегодня вечеромъ будешь со мною“.

Мужъ. Вспомнила ли она хоть мое имя?

Орціо. Говорила: „Сегодня вечеромъ буду ждать сына моего“.

Мужъ въ сторону. У конца пути ужель меня оставитъ сила? — Не допусти этого. Боже! За этотъ мигъ отваги пусть буду узникомъ Твоимъ на всю вѣчность. Сыну. Сынъ мой, прости, что я далъ тебѣ жизнь,—разстаемся, а знаешь на сколько?..

Орціо. Возьми меня и не оставляй, — не оставляй меня: я повлеку тебя за собою.

Мужъ. Наши пути различны. Ты забудешь обо мнѣ среди ангельскихъ хоровъ, ты не пошлешь мнѣ капли росы съ высоты.—О, Георгій, Георгій,—о, сынъ мой!

Орціо. Что за крики?..—Я весь дрожу...— все грознѣе... все ближе... слышенъ гулъ пушекъ и ружей... Послѣдній, предсказанный часъ отсчитываетъ послѣдніе удары.

Мужъ. Спѣши, Яковъ, спѣши!

Толпа графовъ и князей проходитъ нижнимъ дворомъ. За ними Яковъ съ солдатами.

Одинъ голосъ. Дали обломокъ оружія и велятъ драться.

Другой. Генрихъ, смилуйся!

Третій. Не веди насъ, слабыхъ и голодныхъ, на стѣны!

Голоса. Куда насъ гонятъ, куда?

Мужъ имъ. На смерть! Сыну. Въ этомъ объятіи хотѣлъ бы соединиться съ тобою навсегда. Но мнѣ надо въ другую сторону.

Орціо падаетъ, пораженный пулей.

Голосъ въ вышинѣ. Ко мнѣ, ко мнѣ, чистый духъ, ко мнѣ, сынъ мой.

Мужъ. Гей, ко мнѣ, мои люди, со мною.

Прикладываетъ саблю къ устамъ падшаго.

Клинокъ блеститъ, какъ прежде... дыханіе отлетѣло вмѣстѣ съ жизнью...

Гей, сюда!—впередъ!—А! вы взобрались на длину моей сабли — назадъ! — въ пропасть, сыны свободы! Замѣшательство и битва.

*

На другомъ концѣ окоповъ. Слышны отголоски битвы. ЯКОВЪ распростертъ на стѣнѣ. МУЖЪ подбѣгаетъ, обливаясь кровью.

Мужъ. Что съ тобою, мой вѣрный, мой старый слуга?

Яковъ. Пусть дьяволъ отплатитъ тебѣ въ аду за твое упрямство и за мои муки. Благослови, Господи! Умираетъ.

Мужъ бросаетъ саблю. Не нужна ты мнѣ больше. Мои погибли до единаго, а тѣ—на колѣняхъ протягиваютъ руки къ побѣдителю и лепечутъ о милосердіи. Озирается вокругъ.

Еще не подходятъ сюда,—есть время,—отдохнемъ немного.—Га! уже взобрались на Сѣверную башню, — новые люди взобрались на Сѣверную башню, — смотрятъ, нѣтъ ли тамъ графа Генриха.—Здѣсь я, здѣсь,—но вы судить меня не будете. — Я уже приготовился въ путь, уже иду на судъ Господа!

Становится на обломкѣ стѣны, висящемъ надъ пропастью.

Вижу ее всю черную, ширью темноты подплывающую ко мнѣ, мою вѣчность, безъ береговъ, безъ острововъ, безъ края,—а среди ея Богъ, какъ солнце, что вѣчно пылаетъ, вѣчно сіяетъ, но ничего не освѣщаетъ. Подвигается на шагъ впередъ.

Бѣгутъ, увидѣли меня.—Христосъ и Пречистая Дѣва! — Поэзія, будь проклята мною, какъ и самъ я буду проклятъ на вѣки. Разсѣкай же, грудь моя, эти волны! Бросается въ пропасть.

*

Дворъ замка. ПАНКРАТІЙ, ЛЕОНАРДЪ, БЛАНКЕТТИ, — во главѣ толпы. Передъ ними проходятъ ГРАФЫ, КНЯЗЬЯ и проч. съ женами и дѣтьми въ цѣпяхъ.

ПАНКРАТІЙ. Твое имя?

ГРАФЪ. Христофоръ изъ Вольсагуна.

ПАНКРАТІЙ. Послѣдній разъ произнесъ его.—Твое?

КНЯЗЬ. Владиславъ, владѣтель Чернолѣсья.

Панкратій. Послѣдній разъ произнесъ его.—Твое?

Баронъ. Александръ изъ рода Годальберговъ.

Панкратій. Вычеркнуть изъ списка живущихъ,—иди!

Бланкетти Леонарду. Продержали насъ два мѣсяца, а какой жалкій запасъ орудій, какія ничтожныя укрѣпленія.

Леонардъ. Много ихъ тамъ еще?

Панкратій. Поручаю тебѣ ихъ всѣхъ Пусть кровь ихъ льется для примѣра всему свѣту. А кто изъ васъ скажетъ мнѣ, гдѣ Генрихъ, тому дарую жизнь.

Разные голоса. Пропалъ передъ самымъ концомъ.

Крестный отецъ. Теперь я выступаю посредникомъ между тобой и твоими плѣнниками, этими гражданами великихъ родовъ, которые, великій человѣкъ, передали въ твои руки ключи замка св. Троицы.

Панкратій. Не знаю посредниковъ тамъ, гдѣ одолѣлъ я собственной силой. Самъ позаботишься о ихъ смерти.

Крестный отецъ. Вся жизнь моя была жизнью гражданина, чему не мало доказательствъ, и если я соединился съ вами, то не затѣмъ, чтобы своихъ братьевъ дворянъ...

Панкратій. Убрать стараго болтуна,—прочь! въ одну дорогу съ ними.

Солдаты окружаютъ отца крестнаго и плѣнныхъ.

Гдѣ Генрихъ? Не видѣлъ ли его кто-нибудь живымъ или мертвымъ? Полный мѣшокъ золота за Генриха, даже за трупъ его.

Отрядъ солдатъ сходитъ со стѣны.

Вы не видали Генриха?

Начальникъ отряда. Гражданинъ-предводитель! По приказанію генерала Бланкетти я направился къ западной сторонѣ окоповъ; тотчасъ, едва вошли мы, на третьемъ поворотѣ бастіона замѣтилъ я раненаго человѣка, стоявшаго надъ трупомъ другого. Я приказалъ ускорить шагъ, чтобы схватить его, но раньше, чѣмъ успѣли мы спуститься, этотъ человѣкъ сошелъ ниже, сталъ на висящей глыбѣ, съ минуту посмотрѣлъ безумнымъ взглядомъ, потомъ вытянулъ руки, какъ пловецъ, когда готовится нырнуть, и бросился изъ всѣхъ силъ впередъ. Мы только слышали, какъ билось тѣло, падая съ уступа на уступъ,— а вотъ сабля, найденная въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста.

Панкратій. Слѣды крови на рукояткѣ... ниже—гербъ его дома. Это сабля графа Генриха. Онъ одинъ среди васъ былъ вѣренъ слову. За то ему слава, вамъ—гильотина.

Генералъ Бланкетти, озаботьтесь разрушеніемъ укрѣпленій и исполненіемъ приговора. Леонардъ! Входитъ на бастіонъ съ Леонардомъ.

Леонардъ. Тебѣ слѣдовало бы отдохнуть, наставникъ, послѣ столькихъ безсонныхъ ночей; видно утомленіе на лицѣ твоемъ.

Панкратій. Не пришло еще время отдыхать мнѣ, дитя мое, потому что только половина дѣла увидитъ конецъ съ ихъ казнью.— Смотри на эту ширь, на эти громады, что стоятъ между мною и моей мыслью. Надо заселить эти пустыни, прорѣзать эти скалы, соединить озера, каждому выдѣлить землю,— чтобы вдвое жизней родилось на этихъ равнинахъ, нежели смертей лежитъ на нихъ теперь. Иначе дѣло разрушенія не искуплено.

Леонардъ. Богъ свободы подастъ намъ силъ.

Панкратій. Что говоришь ты о Богѣ— здѣсь скользко отъ человѣческой крови. — Чья жъ это кровь? Сзади насъ дворы замка— мы одни здѣсь, а мнѣ кажется, какъ будто здѣсь есть кто-то третій.

Леонардъ. Развѣ только вотъ это простреленное тѣло.

Панкратій. Тѣло его слуги,—мертвое тѣло,—но здѣсь господствуетъ чей-то духъ... а эта шляпа—и тотъ же гербъ на ней.—Гляди сюда, вотъ глыба, выступающая надъ бездной... На этомъ мѣстѣ разорвалось его сердце.

Леонардъ. Ты блѣднѣешь наставникъ?

Панкратій. Ты видишь тамъ—высоко, высоко?

Леонардъ. Надъ острой вершиной вижу понурую тучу, на которой догораютъ лучи солнца.

Панкратій. Страшный знакъ горитъ на ней.

Леонардъ. Тебя обманываетъ зрѣніе.

Панкратій. Милліонъ людей повиновался мнѣ минуту назадъ—гдѣ народъ мой?

Леонардъ. Слышишь голоса ихъ—они зовутъ тебя, они ждутъ тебя.

Панкратій. Болтали женщины и дѣти, что такъ долженъ явиться, но лишь въ послѣдній день.

Леонардъ. Кто?

Панкратій. Какъ столпъ снѣжной бѣлизны, стоитъ Онъ надъ пропастями, обѣими руками опершись на крестъ, какъ мститель на саблю. Изъ переплетшихся молній Его терновый вѣнецъ.

Леонардъ. Что творится съ тобою, что ты?

Панкратій. Отъ зарницъ Его взора кто не умретъ изъ живыхъ?

Леонардъ. Румянецъ все болѣе сбѣгаетъ съ твоего лица,—идемъ отсюда, идемъ—ты слышишь?

Панкратій. Положи мнѣ руки на глаза, задави мнѣ зрачки кулаками, отдѣли меня отъ этого взгляда, который обращаетъ меня въ прахъ.

Леонардъ. Такъ хорошо?

Панкратій. Ничтожны твои руки, какъ у духа, безъ кости и плоти—прозрачны, какъ вода, прозрачны, какъ стекло, прозрачны, какъ воздухъ.—Я вижу, вижу!

Леонардъ. Обопрись на меня.

Панкратій. Дай мнѣ хоть немного мрака

Леонардъ. Наставникъ!

Панкратій. Мрака, мрака!

Леонардъ. Гей! граждане—гей! Братья-демократы, на помощь!—Гей! спасите,—помогите,—спасите!

Панкратій. Galillaee, vicisti! Падаетъ въ объятья Леонарда и умираетъ.

BIBLIOTEKA NARODOWA BN

Ze zbioru
Kazimierza Jasiulewicza

Nr.

Книги А. Курсинскаго.

I. **„Полутѣни“**. Стих. 1894-1895 гг.—**Изъ Т. Мура**. „Мелодіи“. Москва. 1896 г. Ц. 50 коп. (Въ продажѣ нѣтъ).

II. **„Стихи“**. 1896—1900 гг. Ulicet.—Атараксія.—Пурпуръ.—Мгновенія.—Призраки.—На развалинахъ. Москва. 1902 г. Ц. 50 к.

III. **„Сквозь Призму Души“**. Стихи 1901—1905 гг.—Разсказы 1902-1904 гг.—Переводы 1902-1905 гг. Москва. 1906 г. Ц. 1 р.

IV. **З. Красинскій**. „Небожественная Комедія“. Переводъ и вступительная статья „Апоѳеозъ личности“. Москва. К-во „Скорпіонъ“ 1902 г. Ц. 60 коп. Конфисковано.

V. **С. Пшебышевскій**. „Афоризмы и Прелюдіи“. Переводъ. Москва. 1902 г. Ц. 20 коп.

VI. **Эразмъ Маевскій**. „Докторъ Мухолпскій“. Фантастическія приключенія въ мірѣ насѣкомыхъ. Переводъ. Москва. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. 1903 г. Ц. 80 коп. (въ папкѣ).

VII. **„Метеоръ“** (Въ погонѣ за жизнью).—Драма въ 4 д. Готовится.

VIII. **Бѣглыя строчки**. Собраніе газетныхъ и журнальныхъ статей за 1903—1906 гг. (Готовится).

КАТАЛОГЪ.

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
„СКОРПІОНЪ“.

Іюль 1906 года.

I. СТИХИ.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ. Томъ I („Подъ Сѣвернымъ Небомъ“. „Въ безбрежности“, „Тишина“). М. 1905 г. Ц. 2 руб. Томъ II. („Горящія зданія“, „Будемъ какъ солнце“). М. 1904 г. Ц. 3 р.

А. Блокъ. Нечаянная радость. Второй сборникъ стиховъ. Печатается.

Валерій Брюсовъ. Urbi et orbi. Стихи 1900—1903 г. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. Stephanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903—1905 г. Ц. 2 р.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 2 р.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна работы Т. ванъ Риссельберга. Ц. 1 р. 30 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Добролюбовъ. Изъ книги невидимой. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor ardens. Третья книга лирики. Печатается.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и пре-

дисловіемъ Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. (Баллада Рэдингской тюрьмы). Переводъ съ англійскаго размѣромъ подлинника К. Бальмонта. Обложка (портретъ О. Уайльда) работы М. Дуриова. М. 1904 г. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4 частяхъ. Обложка воспроизводитъ рисунокъ О. Бердслея. М. 1904 г. Ц. 75 к.

Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Изъ записокъ лейтенанта Глана. Романъ. Пер. съ норвежскаго С. А. Полякова. Пред. К. Бальмонта. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к.

М. Мэтерлинкъ. Избіеніе младенцевъ. Разсказъ. Со статьей. А. ванъ-Бевера о жизни и творчествѣ М. Мэтерлинка. М. 1904 г. Ц. 40 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.

Томъ I. Поэмы, сказки, разсказы. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.

Книга I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 2 р. 40 к.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У моря. Сыны Земли. (Романъ въ 3 ч.). Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова.

М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ, Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р.

Книга V. Статьи. Печатается.

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго М. 1905 г. Ц. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. (Шесть разсказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи. „Мертвый городъ", „Джіоконда", „Слава". Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1905 г. Ц. 50 коп.

Л. Зиновьева - Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

З. Красинскій. Небожественная комедія. Переводъ А. Курсинскаго. Изд. 2-е. М. 1906. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 60 к.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Выйдетъ въ августѣ.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ", „Подруга", „Зеленый попугай"). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Д. С. Мережковскій. Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 1 р. 80 к.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арт. Саймонсъ. Обри Бердслей. Перев. съ англійскаго М. Ликіардопуло. Съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведеніемъ его рисунковъ. Печатается.

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 г. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904—5 г. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта", драма К. Бальмонта. „Земля", сцены изъ будущихъ временъ, Валерія Брюсова, „Танталъ", трагедія Вяч. Иванова, стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго. З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

РАСПРОДАННЫЯ ИЗДАНІЯ.

К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Обложка Фидуса М. 1903 г.

Валерій Брюсовъ. Tertia Vigilia. Стихи 1897—1900 г. М. 1901 г.

Андрей Бѣлый. Симфонія (2-я драматическая). М. 1902 г.

А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловія Валерія Брюсова и Ив. Коневскаго. М. 1900 г.

Генрикъ Ибсенъ Когда мы мертвые проснемся. Пер. съ норвежскаго. С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса. Изд. 2-е М. 1900 г.

Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ И. Рачинскій. М. 1904 г.

З. Красинскій. Небожественная комедія. Переводъ и вступительная статья А. Курсинскаго. М. 1902. Конфисковано.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. М. 1902 г.

А. Л. Миропольскій. Лѣствица. Предисловіе Валерія Брюсова. М. 1902 г.

Сѣверные цвѣты на 1903 г. Обложка Л. Бакста. М. 1903 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ“ высылаетъ всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (**Москва, Театральная площадь, д. „Метрополь“, кв. 23**), свои изданія, **принимая почтовые расходы на свой счетъ.** Но расходы по наложенію платежа гг. покупатели должны принимать на себя.

Провинціальные книжные магазины пользуются уступкой 30%, но должны принимать на себя расходы о пересылкѣ книгъ.

Гг. подписчики „Вѣсовъ“ пользуются скидкой 15% со всѣхъ изданій к-ва „Скорпіонъ“, кромѣ изданныхъ въ небольшомъ количествѣ.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ“ и редакціи журнала „Вѣсы“: **Москва, Театральная пл., д. „Метрополь“ кв. 23.** (Телефонъ 50—89). Контора открыта, кромѣ праздниковъ, отъ 2 до 7 ч. вечера. Отдѣленіе конторы: **Петербургъ, Садовая 18,** Книжный складъ „Комиссіонеръ“.

Ежемѣсячный журналъ искусствъ и литературы

„ВѢСЫ“.

1906. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТІЙ.

Въ 1906 году „Вѣсы“ издаются подъ прежней редакціей и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, но въ увеличенномъ объемѣ и по значительно расширенной программѣ, въ которую включенъ **беллетристическій отдѣлъ**.

Въ „Вѣсахъ“ 1906 г. помѣщаются: стихи, романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, самостоятельныя статьи по всѣмъ общимъ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью, литературой и наукой, характеристики и біографіи современныхъ дѣятелей слова и искусства, отчеты о выставкахъ, театральныхъ и музыкальныхъ исполненіяхъ и подробные критическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы. „Вѣсы“ имѣютъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ европейскихъ центрахъ умственной жизни. Каждый № „Вѣсовъ“ даетъ подробную библіографію русскихъ и иностранныхъ книгъ.

„Вѣсы“ выходятъ 12 разъ въ годъ, въ концѣ каждаго мѣсяца, тетрадями въ 80 страницъ, и болѣе. Въ каждомъ № „Вѣсовъ“ помѣщаются на отдѣльныхъ листахъ **рисунки** (черные и въ краскахъ) русскихъ и иностранныхъ художниковъ въ текстѣ—художественныя виньетки, заставки и концовки.

Условія подписки. Годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи—**пять** рублей, полгода—3 р.; за-границу годъ 7 р. Полные комплекты „Вѣсовъ“ за 1904 и 1905 гг.—по 6 р. Адресъ: Москва, Театральная площадь, д. „Метрополь“, кв. 23. Телефонъ 50-89. Отдѣленіе конторы: Петербургъ, Садовая, 18, кн. складъ „Комиссіонеръ“.

Редакторъ-издатель **С. А. Поляно**